

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ЭПИСТОЛОЛОГИИ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭФАРМОСИС ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

Дефиниция эпистолологии как новой вспомогательной исторической дисциплины была дана в 1970 г. в книге автора «Эпистолография»¹. В «Предисловии» и в § 1—2 данной работы говорилось о специальной исторической дисциплине «эпистолографии», изучающей письма как своеобразный исторический источник, как предмет исследования. Были определены некоторые конкретные задачи дисциплины — разработка теории и практики эпистолярного стиля, архитектоники писем, имманентных этой дисциплине методов исследования (например, датировка писем по эпистолологическим признакам, характерным для того или иного времени), изучение конкретно-исторического содержания эпистолярного наследства и пр. В качестве вспомогательной исторической дисциплины со свойственными ей задачами «эпистолография» фиксируется и в 1971 г.² В докладе «О трех ступенях эпистолографического исследования» на X Всесоюзной конференции византистов в Москве (3—5 ноября 1975 г.) автор попытался подчеркнуть «необходимость выделения эпистолографии как новой вспомогательной исторической дисциплины и предложил методiku изучения и введения в научный оборот памятников эпистолярной литературы»³. Однако в последующих печатных работах начиная с 1977 г. автор предложил обозначать вспомогательную историческую дисциплину, изучающую основные особенности содержания и формы писем различных эпох, термином «эпистолология»⁴, что является более обоснованным по следующим соображениям. Термин «эпистолография» происходит от греческих слов *epistole* (письмо, послание) и *grapho* (пишу). В первоначальном виде их сочетание имело форму *ho epistolographos* (писец, секретарь) и в таком смысле употребляется у Полибия (ок. 200 — ок. 120 г. до н. э.). В средние века появляется слово *he epistolographia*, которое в современном новогреческом языке обозначает «переписка, корреспонденция». В специальной литературе, как исторической, так и филологической, термин «эпистолография»⁵ используется для наименования одного из жанров литературы, именно эпистолярного. И. Сикутрис, один из видных исследователей эпистолярного жан-

ра, писал: «Под именем эпистолография мы объединяем те произведения античной литературы, которые составлены в форме письма»⁶. Советские историки и филологи понимают под эпистологией «литературу писем»⁷. В современной буржуазной историографии понятие «эпистолография» используется для наименования эпистолярного наследия⁸. Следовательно, целесообразнее по традиции использовать слово «эпистолография» для обозначения переписки, эпистолярного наследия, эпистолярной литературы, писем, литературы посланий, литературы писем и т. п. Соответственно, авторов писем можно также по традиции именовать эпистологами⁹.

Термин «эпистолология» происходит от греческих слов *epistole* (письмо, послание) и *logos* (слово, понятие, мысль, учение) и является неологизмом. Дисциплина «эпистолология» исследует определенный вид источников — письма и относится к более частным вспомогательным историческим дисциплинам по сравнению с источниковедением. Использование термина «эпистолология» в словосочетаниях осуществляется конформно дефинициям «археология», «геральдика», «нумизматика», «сфрагистика», «геортология» и т. п., т. е. обозначениям специальных исторических дисциплин. Если поэтому мы употребляем словосочетания «археология СССР», «археология юго-западного Крыма», «археологическая датировка», «советская археология», «античная археология», «археологическая литература», то по аналогии мы точно так же можем сказать: «эпистолология СССР», «эпистолология юго-западного Крыма», «эпистолологическая датировка» (установление хронологии событий, изучаемых по эпистолологическим данным), «советская эпистолология», «античная эпистолология», «эпистолологическая литература». Название данной статьи в силу изложенного не является случайным. Эпистолология поздней Византии подразумевает изложение основных особенностей содержания и формы писем поздневизантийского времени. Статью нельзя было бы назвать «Эпистолология в поздней Византии», ибо это предполагало бы изучение достижений вспомогательной исторической дисциплины эпистолологии в Византии XIII—XV вв., другими словами, историографический обзор поздневизантийской эпистолологической литературы, а такая семантизация была бы абсурдом. Специалисты по эпистолологии следует именовать эпистолологами.

В результате авторского исследования¹⁰ 1) доказана необходимость отпочкования самостоятельной вспомогательной исторической дисциплины эпистолологии; 2) разработана дефиниция эпистолологии, выявлены ее теоретические и конкретно-исторические задачи, совокупность которых определяет три ступени эпистолологического исследования (апохорисис, проэлевсис, эфармосис); 3) разработано в теоретическом плане содержание каждой ступени эпистолологического исследования; 4) проведено решение конкретно-исторических задач эпистолологии на примере поздневизантийского эпистолярного наследия 1204—1453 гг. (в послед-

нее включается переписка только собственно византийских авторов, другими словами, лишь письма, написанные на территории Византии, причем в число поздневизантийских авторов писем, эпистолографов, включены и те лица, которые хотя бы часть своей переписки создали в отмеченных хронологических рамках. При изложении же конкретно-исторических вопросов на базе переписки привлекались письма, подготовленные строго в рамках 1204—1453 гг., в соответствии с последним этапом истории Византии); 5) осуществлено непосредственное вычленение переписки из совокупности поздневизантийских исторических источников; 6) выявлена архитектура поздневизантийских писем и на основе учета ее особенностей разработан новый способ датировки поздневизантийских писем; 7) по-новому освещаются на основе переписки вопросы о профессиональной структуре ремесленного производства, политическом мировоззрении ромеев, социальных противоречиях и специфике внешнеполитического положения поздневизантийской империи; 8) выявлены сильные и слабые стороны поздневизантийской переписки как исторического источника.

Каждая из трех ступеней эпистолологического исследования содержит решение как теоретических, так и конкретно-исторических задач. Теоретические задачи эпистолологии сводятся к разработке методики отчленения писем от всех других видов исторических источников, к разработке методики датировки писем по совокупности эпистолологических признаков, к разработке методики введения переписки в научный оборот. Конкретно-исторические задачи заключаются в непосредственном вычленении переписки, в разработке архитектуры писем и введении эпистолярного наследия в научный оборот.

Изложение методики отчленения писем от всех других видов исторических источников и непосредственное вычленение переписки составляют апохорисис; разработка методики датировки писем по совокупности эпистолологических признаков и исследование архитектуры переписки образуют проэлевсис; раскрытие методики введения переписки в научный оборот и собственно введение эпистолярного наследия в научный оборот представляют эфармосис.

Понятия-неологизмы «апохорисис» (отделение, разделение), «проэлевсис» (возникновение) и «эфармосис» (применение) введены автором не *de proprio motu*, но на основе практического исследования и представляют логически связанные и необходимые звенья. Каждая теоретическая поэтапная разработка взаимосвязана с соответствующей практической (конкретно-исторической) задачей эпистолологии.

Следует подчеркнуть необходимость решения задач эпистолологии именно в той последовательности, в какой они зафиксированы выше, что обусловлено зависимостью выполнения всякой последующей задачи от завершения предшествующей. Однако в том случае, если эпистолярное наследие какого-либо конкретно-

исторического этапа вообще не исследовалось в совокупности, решение первой и второй задач становится взаимосвязанным. На последующем этапе изучения переписки, а именно при исследовании лишь какой-то части заново открытого эпистолярного наследия, изложенный нами принцип последовательности решения задач эпистолологии становится уже вполне приемлемым. По мере детального изучения методики исследования писем как исторического источника конкретно-исторические задачи выступают в качестве первостепенных, если не почти единственных. Однако конкретно-исторические эпистолологические исследования в той или иной степени будут обогащать методику изучения писем (теоретический аспект эпистолологии).

Приступая к анализу писем различных эпох, исследователь прежде всего сталкивается с задачей вычленения писем из всей совокупности исторических источников. Это совсем не так просто, как представляется на первый взгляд. Специалисты по средневековой истории, например, часто смешивают письма с другими источниками (дипломы, эпидейктическая литература, мартирии, произведения «в форме писем» и др.). В связи с этим встает практический вопрос о необходимости разработки методики вычленения писем. Но, как подчеркнуто выше, отмеченные теоретическая и конкретно-историческая задачи составляют в совокупности апохорисис. При разработке методики отчленения писем от всех других видов исторических источников необходимо прежде всего раскрыть сущность письма, дать его дефиницию. При этом нельзя не учитывать, что до настоящего времени в историографии были сделаны три попытки ответить на данный вопрос и что все они представляются автору спорными. Предпринимая критический анализ этих концепций, следует вместе с тем предложить новое позитивное решение. Рассмотрим, во-первых, так называемый терминологический метод, сторонники которого апеллируют исключительно лишь к терминам, применявшимся для обозначения писем. Подобный подход игнорирует неустойчивый характер этих слов и сочетаний¹¹.

Поздневизантийские эпистолографы обозначали письма различными терминами: *apocrisis*¹², *apologia*¹³, *ta epestalmena*¹⁴, *to epistolaion gramma*¹⁵, *epistole*¹⁶, *gramma*¹⁷, *grammation*¹⁸, *logos epistolimaïos*¹⁹, *per modum epistolae*²⁰, *pittakion patriarchicon*²¹, *sigillion patriarchicon*²². Однако это совсем не означает того, что подобными терминами не могли именоваться отличающиеся от писем источники. Некоторые апокрисисы нельзя относить к письмам²³, ибо они выступают лишь составными частями большого трактата²⁴. К письмам нельзя отнести также 83 вопроса и ответа Симеона, архиепископа Фессалоник, направленные Габриэлю из Пентаполиса²⁵. Не представляется правомерным во всех случаях рассматривать подобные сочинения как особый «тип письма в форме вопросов и ответов»²⁶, ибо исследователь рискует допустить смешение писем с другими видами источников. Спорадический ха-

рактер поздневизантийской терминологии, применявшейся для обозначения писем, не является надежным аргументом для вычленения писем из общей массы источников.

Во-вторых, следует усомниться и в концепции Х. Коскенниemi, который считает, что основу греческого письма составляет филофронесис²⁷. Проявление дружелюбия было характерно не только для переписки, но в таком случае стирается грань между письмом и иными видами сочинений. К тому же термин *philia* неоднозначен²⁸, и не всегда ему следует придавать тот смысл, который имеет в виду Х. Коскенниemi.

В-третьих, недостаточно полным представляется определение сущности письма, предложенное Т. А. Миллер²⁹ и Т. В. Поповой³⁰. Если рассматривать письмо только как звено в переписке двух лиц (автор — сообщение — адресат), невозможно будет отличить от эпистолярного наследия такие разновидности источников, как трактаты, императорские дипломы, ораторские речи и пр. Как обычно в средневековье, они были адресованы определенным лицам³¹.

Примыкая к публицистическим произведениям³², переписка вместе с тем имеет специфические отличия, не позволяющие смешивать письма с полемическими трактатами и памфлетами, энциклопедиями и др. видами речей, автобиографиями. Казалось бы, совсем нетрудно отчленить письмо от грамоты, однако на практике исследователи нередко ошибаются, отождествляя эти различные виды источников, как это сделал Ф. Дэльгер. Фиксируя в пяти томах регестов 3555 византийских императорских грамот, он включает в число 406 документов третьей части регестов 29 писем³³, в число 768 документов четвертой части регестов — 26 писем³⁴, в пятом томе регестов наряду с дипломами отмечены 50 собственно византийских писем³⁵ и 14 писем, присланных в Византию из-за рубежа³⁶. Об опыте П. А. Яковенко по исследованию формуляра и типов собственно императорских грамот³⁷ Ф. Дэльгер неизменно старался умолчать даже в последней монографии³⁸, несмотря на критические замечания в его адрес по этому поводу³⁹. Игнорирование труда П. А. Яковенко сыграло роль бумеранга: в исследовании 1968 г. Ф. Дэльгер вновь допускает смешение грамот с письмами⁴⁰. Этому, видимо, способствовал и П. Иоанну, совершенно неожиданно и странно оценивший в рецензии работы Ф. Дэльгера по дипломатике как «золотое дно»⁴¹ для изучения византийской литературы писем.

Следует отличать переписку и от произведений «в форме писем». Последние не являются собственно письмами, поэтому их нельзя рассматривать как один из источников эпистолологии.

Исходя из дефиниции, что *письмо* — это письменное сообщение автора адресату, построенное на основе типологической архитектоники данного времени, необходимо раскрыть смысл, содержание каждой составной части (звена) данного определения. Оно дается лишь применительно к эпохам, знавшим письменность. В чело-

веческих коллективах первобытнообщинного строя, незнакомых с последней, а следовательно, и с письмами, сообщение принимало иные формы, которые невозможно идентифицировать с формой писем⁴². Сообщение предполагает конкретную информацию не только о каком-либо событии, но и о чувствах, настроении, состоянии здоровья, потребностях переписывающихся. Как под автором, так и под адресатом могут подразумеваться либо субъект, либо коллектив. Письмо нельзя рассматривать вне данного времени (этапа). В соответствии с этим следует учитывать свойственную переписке определенного времени характерную типологию построения, структуры. Письмо, проанализированное с точки зрения архитектоники, откроет еще неизвестные исследователям закономерности своего построения. Изучение архитектоники письма базируется не только на вычленении его основных частей, но и на дроблении главных компонентов на различные типы эпистолярных формул. Целесообразно установить критерии понятия «эпистолярная формула». Последняя не представляла собой гомогенную фразу. Ее функционирование может быть установлено *либо по наличию стержневого слова, либо при семантизации фразеогаммы*⁴³. Особенности архитектоники отличают письмо от любого другого вида источников (грамоты, ораторские речи, полемические трактаты и памфлеты и пр.). Однако в чем же сходство и отличие переписки от произведений «в форме писем»? Такие сочинения имеют специфику не только в типологии содержания (это не главный признак), но прежде всего отличаются от писем *архитектоникой семантемы*. Фиксация лишь прескрипта и клаузулы (в этом только и состоит сходство переписки и трудов «в форме писем») еще не позволяет назвать рассматриваемые произведения письмами. Но их изучение необходимо для уяснения того, как практически применяли современники (на данном этапе развития переписки) вводную и заключительную формулы письма.

При конкретном апохорисисе писем исследователю необходимо руководствоваться *важнейшим критерием для отнесения источников к группе писем — особенностями архитектоники данного произведения*.

Вычленение переписки следует проводить из совокупности письменных источников того или иного конкретного этапа в истории той или иной страны. При этом следует исходить из марксистско-ленинской периодизации исторического развития человеческого общества. Переписка отражает конкретные условия жизни людей, возникновение новых исторических явлений не может не сказаться на содержании писем. Уяснение исторической обстановки в рамках определенного этапа в жизни общества поможет глубже понять переписку, появившуюся в то же самое время. При анализе эпистолярного наследия без учета марксистско-ленинской периодизации истории той или иной страны существует реальная опасность получения аксиологических выводов и наблюдений. Теоретический апохорисис, во-первых, требует прежде всего отчлене-

ния писем в рамках строго определенного конкретно-исторического этапа в истории того или иного общества.

Во-вторых, ввиду большой противоречивости суждений о сущности письма и особенно вследствие противоречивой практики исследователей в конкретной работе по эвристике переписки, а также ввиду сходства отдельных элементов архитектоники (прескрипт и клаузула) писем и других произведений (труды «в форме писем», ораторские речи и др.), хотя это подобие и не имеет универсального характера, *природу источника при работе над отчленением переписки необходимо исследовать в каждом конкретном случае.*

В-третьих, конкретный апохорисис производится на основе учета важнейшего критерия — *особенностей архитектоники письменного источника и в том числе специфики структуры его семантемы.*

В-четвертых, собственно отчленению должен отчасти предшествовать, отчасти развиваться параллельно с ним процесс изучения архитектоники эпистолярных трудов того этапа, который интересует исследователя. Важно выявить типологию структуры писем, фиксация которой позволит не только довести до конца вычленение переписки, но и повторно проверить принадлежность к ней тех произведений, которые вызвали сомнение при классификации на виды источников.

В-пятых, непосредственное вычленение переписки предполагает и позволяет проводить эту работу обстоятельно, случайности становятся исключением, целью является выявление *совокупности всех писем.*

Таковы требования методики отчленения переписки от всех других видов исторических источников.

В ходе непосредственного апохорисиса удалось выявить 287 поздневизантийских авторов, эпистолярная деятельность которых всецело или в какой-то мере протекала в 1204—1453 гг. и которые оставили минимум 5 911 писем (принадлежность им 11 писем из указанного числа следует поставить под сомнение). Опубликовано (по данным на 1 января 1974 г.) 3 651 письмо, в том числе фрагментарно издано 33; неопубликованных насчитывается 2 260. Посчастливилось 179 авторам, все известные письма которых появились в печати. В то же время остается 54 составителя, ни одно письмо которых не опубликовано. Переписка 54 эпистолографов издана частично. Выявлен объем переписки каждого из 287 поздневизантийских эпистолографов (с учетом изданной и неизданной переписки). Число изданных писем каждого составителя указано на основе конкретного апохорисиса. Необходимо оговориться, что количество неизданной переписки устанавливается лишь на базе изучения специальной литературы. Однако известно, что при определении природы источника, и в частности писем, исследователи шли разными путями, и методика их творчества не могла не сказаться на результатах их работы. Вот почему общее количество

писем того или иного эпистолографа может быть определено лишь после изучения архитектоники неизданных писем, в число которых специалисты могли включить и другие виды источников.

Конкретный апохорисис был произведен в соответствии с требованиями, предъявляемыми к данной ступени эпистолологического исследования, и прежде всего на основе проверки архитектуры каждого из всей совокупности поздневизантийских исторических источников (эта работа была начата в 1960 г. и проводилась в течение 15 лет) ⁴⁴.

Конкретный апохорисис ни в коем случае не может быть приравнен к выявлению опубликованных писем (иначе все свелось бы к библиографическому изысканию). Факт опубликования источника под рубрикой «письмо» — еще не свидетельство принадлежности произведения к группе переписки. Необходима проверка архитектуры изданного труда. Более того, исследователь не имеет права оставлять без изучения все другие источники, опубликованные под названием грамот, речей, трактатов и пр. Некоторые из них являются на самом деле письмами, как показывает изучение их архитектуры. Автору удалось отчленить от изданий других источников публикации писем за 1502—1973 гг. (по данным на 1 января 1974 г.). Ввиду отсутствия возможности показать весь ход конкретного апохорисиса, ограничимся примерами. В «Патрологии» Ж. П. Миня опубликовано произведение под названием «*Apologia et refutatio capitum Fratris Francisci*» ⁴⁵, автором которого является ритор Мануил (XIII в.), представляющий себя в этом сочинении словами «великий ритор Великой церкви» ⁴⁶. Исследователи не обращали внимания на эту публикацию. Издатель Ж. П. Минь не пытался даже определить характер этого произведения. Однако последнее следует рассматривать как письмо. Это подтверждает прежде всего архитектура сочинения. Письмо начинается с *praescriptio* первого типа с добавлением должности к имени составителя (*ho deina... to deini... chairein*): *Manouel ho megas rhetor tes Megales ecclesias phrar Phratzesco to Predicatoro palaias Rhomes chairein* ⁴⁷. Формула констатации получения письма занимает в этом письме второе место: *To epistolaion sou pros hemas elthon gramma...* ⁴⁸ Далее следует формула оценки письма (*psephos-формула*): полученное письмо *de-deichen hamosgepos ge to te brachytaton tes dianoias tes ses pros te ta alla, cai pros ten cath' Hellenas grammatiken: en te gar lexei cai antistoicheiois cai prosodiais esphalmenon esti, cai to porro delon cathestanai tes alethous theologies* ⁴⁹. Не только продолжаемый в таком направлении разбор архитектуры произведения убеждает в необходимости отнесения его к группе писем, но и косвенные данные. Рассматриваемое сочинение ритора Мануила является ответом на полученное им ранее «эпистолярное послание» (*to epistolaion gramma*) ⁵⁰.

Приведем другой пример, контрастный первому. В 1733 г. было опубликовано сочинение Феодора Газа «О происхождении турок»,

которое издатель озаглавил «*Peri archaioگونias Tourcon epistole*»⁵¹, убежденно относя его к письмам⁵². Казалось бы, что Л. Аллаций прав. Прескрипт и клаузула произведения информны соответствующим эпистолярным формулам. Но имеются все основания не причислять это сочинение к переписке. Об этом свидетельствует анализ архитектоники семантемы. Следовательно, перед нами разновидность произведений «в форме писем», отчленение которых от переписки необходимо производить именно на основе учета особенностей структуры их семантем.

Итоги конкретного апохорисиса следует расценивать как составную и притом именно как исходную ступень в разработке регестов писем. Думается, что регест письма⁵³ должен отражать следующие моменты: 1) автор; 2) адресат; 3) дата; 4) место написания; 5) место назначения; 6) начало письма; 7) окончание письма; 8) изложение содержания; 9) перечень рукописей письма; 10) перечень изданий данного письма на языке оригинала; 11) перечень изданий письма, сохранившегося в переложении не на языке оригинала; 12) перечень изданий, сохранивших извлечения письма на языке оригинала; 13) перечень переводов данного письма; 14) упоминания данного письма в других источниках; 15) специальная литература о данном письме; 16) соображения о подлинности или подложности письма; 17) указание на номер, под которым данное письмо включается в эпистолярное наследие автора; 18) комментарий важнейших фактов, терминов и других данных письма; 19) установление типологии по содержанию с учетом политической направленности и классовой сущности письма; 20) типология письма в зависимости от происхождения (от чьего лица написано); 21) вид письма в зависимости от авторства (аноним, субъект или коллектив); 22) типологическая классификация письма с учетом времени и региона; 23) особенности архитектоники данного письма.

Конкретный апохорисис открывает возможность перейти в дальнейшем к индивидуальной характеристике каждого из эпистолографов. Но для этого необходимо определить место происхождения и время написания каждого письма. Апохорисис может помочь в установлении числа писем, относящихся к данному отрезку времени (век, полустолетие, четверть века и еще менее), в выявлении тех авторов писем, чья эпистолярная деятельность протекала одновременно. Апохорисис позволяет начать в последующем сравнительное изучение эпистолярного творчества эпистолографов, являвшихся современниками. Целесообразно исследование переписки группы составителей эпистолярных произведений для выяснения особенностей эпистолярного стиля каждого автора, для установления общей суммы фактов, относящихся к данному времени.

Методика датировки писем должна учитывать всю совокупность эпистолологических признаков. Последние можно расчленить на две группы: а) фактические данные письма, б) особенности архитектоники эпистулы. Ни одна из этих групп в отдельно-

сти не сможет послужить универсальным средством для точного определения даты создания эпистолярного произведения. Только сочетание обеих групп, использование того и другого способов датировки могут привести к убедительным результатам. Вместе с тем, как прием датировки по фактическим данным письма, так и способ учета особенностей архитектоники эпистолярного сочинения обладают позитивными и негативными сторонами, которые необходимо учитывать в процессе исследования. При этом возможность применения каждого способа зависит от специфики эпистолярного произведения. Отсутствие конкретных имен, деталей, намеков на какие-либо известные исторические события, географические названия и т. п. заставляют обратиться прежде всего к изучению особенностей архитектоники данного источника. С другой стороны, результаты датировки при таком подходе к эпистолярному произведению не будут такими точными, как того хотелось бы (фиксация года или даже месяца), но, вместе с тем, возможно датировать источник не только в пределах того или иного столетия, полустолетия, но даже четверти века и еще меньшего времени. Последнее обстоятельство позволяет исследователю ввести конкретно датированные эпистолярные труды в научный оборот. При наличии же определенных фактических данных целесообразно использовать базирующийся на этом способ, преимущество которого заключается в более точной датировке, а недостаток — в невозможности определения даты создания эпистолярного произведения в случае отсутствия в нем конкретных фактических данных. Использование того и другого способов в совокупности позволит проверить надежность результатов, полученных в каждом случае, выявить возможную противоречивость выводов, изучить причины этой противоречивости и прийти к обоснованному итогу. Перепроверка датировки поможет более аргументированно отчленить фиктивные, подложные письма от подлинных. Применение лишь одного из приемов датировки при игнорировании другого может привести к возникновению противоречий, разрешение которых потребует новых сил и времени. Такова причина длительных споров по поводу датировки писем Георгия Варданиса из Керкиры, Андроника II Палеолога, Георгия Амируциса. Ц. Бароний издал в «Церковных анналах» 11 писем, датировав их 1176—1188 гг. и приписав Фридриху I Барбароссе, Мануилу Дуке, Комнину, патриарху Антиохии Симеону, императорскому нотарию Иоанну, настоятелю монастыря Касоле Нектарию, судье Николаю, патриарху Иерусалима Афанасию⁵⁴. В. Г. Васильевский высказал сомнения в отношении датировки писем Ц. Барония и их авторства⁵⁵. Еще более точную датировку предложил Э. Курц⁵⁶ (именно 1230—1236), однако он ошибочно приписал письма Фридриху III Штауфену и Мануилу, деспоту Фессалоник и Эпира (1230—1240)⁵⁷. В последнем издании рассматриваемые письма справедливо считаются перепиской Георгия Варданиса⁵⁸ (всего издано 27 писем 1220—1240 гг.).

Исходя из фактического материала произведения К. Папамихалопулос, издавая письмо Андроника II Палеолога к Севастьяну Алексею, считал сочинение подлинным⁵⁹. Не возникло сомнений в подлинности письма и у другого его издателя Д. Камбуроглу⁶⁰. Однако в том же году Н. Веис охарактеризовал это произведение как подложное⁶¹, причем ссылаясь так же, как и его предшественники, на конкретные данные письма. К такому же выводу и почти в то же самое время пришел и С. П. Ламброс⁶². Последнее мнение разделили К. Крумбахер⁶³ и Ф. Дэльгер⁶⁴.

М. Жюжи, издав письмо Георгия Амируциса к герцогу Димитрию Навплийскому, был уверен в подлинности этого произведения⁶⁵. Рецензент Ф. Дэльгер не сомневался в справедливости выводов М. Жюжи⁶⁶. Почти через два десятилетия Дж. Джилл предложил новую аргументацию, на основе которой приписываемое Георгию Амируцису письмо к некоему (неидентифицированному) «герцогу Димитрию Навплийскому» о Флорентийском соборе следует считать фиктивным, потому что это, вероятно, работа Георгия Коресноса с о. Хиос (XVII в.)⁶⁷. В. Лоран согласился с доводами Дж. Джилла⁶⁸.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что игнорирование архитектоники эпистолярного произведения и ориентация исключительно на фактические данные письма может привести к противоположным, несовместимым выводам, иногда далеким от истины.

Целесообразно обратиться в связи с рассматриваемым вопросом к наблюдениям Франческо Петрарки (20/VII 1304 — 19/VII 1374). В одном из своих писем он критически разобрал подложное письмо, приписываемое до него Юлию Цезарю. Помимо анализа фактических данных, содержания письма (на подчеркивании нелепости которых Петрарка строит пять аргументов в пользу фиктивного характера произведения), исследователь обращает внимание читателя на специфическое написание даты письма: *datum Romae die Veneris regni nostri anno primo*. Петрарка обнаружил полное невежество автора письма, который не только не назвал консулов, но, указав год и день написания письма, пропустил месяц⁶⁹. Иными словами, Франческо Петрарка отводил важное место и критическому изучению формы писем, соответствия построения эпистолярного произведения канонам и требованиям данного региона и времени.

Исследуя типичные ошибки авторов фиктивных писем, И. Сикутрис сводит их либо к стремлению насытить такие письма указаниями, которые должны быть уже известны адресату (излишнее упоминание названий местностей и пр.), обязательно датировать эпистолярное произведение, либо к неспособности придерживаться определенной ситуации (такие письма невозможно отнести к конкретному времени), либо к неумению воспроизвести, имитировать язык и стиль времени. Реже (но это также случалось) подводила составителей подложных писем интуиция, чувство исторических

фактов, событий, связей. Анализ фиктивных эпистолярных трудов должен равным образом, согласно И. Сикутрису, учитывать два момента — и содержание, и форму писем⁷⁰. К сожалению, И. Сикутрис заканчивает на этом свои рассуждения, оставляя без ответа вопрос о том, существовали ли закономерности построения, формы писем, в чем они выражались. Подобный вопрос правомерен прежде всего потому, что нужно исключить произвольную, субъективную интерпретацию стиля писем тем или другим исследователем.

Придавая первостепенное значение при определении датировки эпистолярного произведения анализу конкретных фактических данных источника, следует вместе с тем использовать и такой «резерв», как учет особенностей архитектоники эпистулы. Полагая, что основы методики критического рассмотрения фактических данных источника разрабатывает источниковедение, следует не забывать в то же время специфики писем как источника и особенностей методики использования данных переписки в научном исследовании. В целях избежания традиционной ошибки, которая сводилась к рассмотрению фактических данных письма как универсального средства для датировки источника, необходимо, как уже отмечалось, учитывать специфику архитектоники, но для этого, в свою очередь, нужно разработать критерии учета структуры писем. Разумеется, для задуманного потребуются конкретное рассмотрение *теории эпистолярного стиля*, т. е. совокупности целей и правил написания писем в представлении современников (в рамках данного этапа) и правил организации эпистолярного общения, а также детальное изучение архитектоники писем определенного времени. Важно учесть, соответствовали ли рекомендации теоретиков эпистолярного стиля практике написания писем. Необходимо выявить основные части письма, структуру каждой части в отдельности, наличие эпистолярных формул, их характер (устойчивый или спорадический). Методика выявления эпистолярных формул подразумевает вычленение всех семантических фразеграмм, в том числе со стержневыми словами. Эволюция эпистолярной формулы представляет особый интерес. Имеются в виду фиксация продолжительности существования эпистолярной формулы во времени (период, этап, часть этапа, время возникновения и исчезновения), ее местоположение в семанте и возможные перемещения в зависимости от времени, места написания письма и особенностей стиля того или иного автора, изменения состава эпистолярной формулы (перинтеграция или афеа). Изучение архитектоники предполагает выяснение того, зависела ли структура письма от вида письма, от классификационной группы письма (с учетом классификации писем современниками эпистолярного наследия и классификации, предпринятой исследователями нашего времени), а также от места создания эпистолярного произведения. Являлось ли употребление формул свободным, где заглагорассудится, или большинство примеров опровергает это (иными слова-

ми, составители писем вольно или невольно, что также предстоит выяснить, применяли эпистолярные формулы в определенной последовательности). Все ли формулы без исключения встречаются в каждом письме или только некоторые, употребление которых являлось правилом. Имеются ли письма вообще без формул (даже при наличии эпистолярных формул в других письмах). Что представляют собой эти формулы, если они существуют, тождественны ли они по буквальному написанию или сходны лишь по стержневому слову (словам) или по семантике. Решение этих вопросов не является самоцелью, но продиктовано важной *практической потребностью*. Датировка сотен писем чрезвычайно затруднительна ввиду отсутствия в письмах указания на время их составления и недостаточного количества фактических данных для конкретной датировки. Изучение эпистолярных формул, их типов, модификаций этих типов в зависимости от времени, места, авторства даст исследователю ключ к установлению закономерностей построения уже изданных и датированных писем. Выявление архитектоники писем данного времени (периода, этапа) позволит после анализа структуры эпистолярных произведений, не используемых историками вследствие их неопределенного временного размещения, отметить те или другие общие черты построения данных писем с уже датированными ранее. Вследствие этого сравнительное исследование структуры недатированного письма с типологией архитектоники писем того или иного времени (этапа) позволит установить датировку исследуемого письма, другими словами, отнести его к письмам того или иного конкретного этапа. Изучение архитектоники точно датированных писем поможет наметить конкретные этапы в развитии эпистолярного наследия того или иного периода. Закономерности построения письма могут учитываться исследователями не только при датировке издаваемых впервые и изданных ранее, но и недатированных писем, а также при решении других вопросов, связанных с изучением эпистолярного наследия, в частности при установлении того, является ли письмо подлинным или подложным. Огромное значение приобретает для историка установление хронологических рамок функционирования эпистолярной формулы. Фиксация устойчивых типов этих формул еще не решает проблему датировки писем. Несомненный интерес историка вызовет лишь доказательство того, что та или иная эпистолярная формула функционирует в строго определенном временном промежутке. И чем более кратким будет данный отрезок времени, тем более увеличивается возможность для датировки интересующих исследователя писем.

Для того чтобы учет особенностей архитектоники эпистолярных источников не носил случайного характера, но был отражением типологических черт структуры, необходимо ориентироваться не просто на возможно больший охват писем как объекта изучения (количественная сторона), но и на изучение специфики построения подобных произведений в зависимости от различных фак-

торов, обуславливающих эту специфику (исследование источника в различных плоскостях — качественная сторона). По мере вовлечения в сферу анализа все большего числа писем и в зависимости от все большего использования качественных показателей специфики структуры писем исследователь будет все более и более приближаться к правильной трактовке типологических особенностей архитектуры эпистолярных произведений. Аргументированные результаты могут появиться лишь при системном изучении характерных признаков структуры писем с учетом времени, места написания, особенностей стиля автора, вида писем. Конечно, нужно учитывать, всегда ли имели значимость эти факторы и какие именно. К тому же характер опубликованных писем иногда не позволяет выявить специфику архитектуры с учетом всех этих факторов, что снижает качество результатов, но только в смысле более или менее высокой степени отражения в данных результатах типологических особенностей построения писем. Не являясь универсальным средством для датировки эпистолярных произведений, специфика архитектуры может рассматриваться, однако, в качестве нового дополнительного способа определения даты написания писем.

Выявление архитектуры поздневизантийских писем производилось на основе изучения собственно переписки, типологии эпистолярных формул, но также и с учетом анализа организации эпистолярного общения и поздневизантийской теории эпистолярного стиля, которая представляла новый, отличающийся от античности, этап в эволюции теории письма, сохранивший преемственность отдельных второстепенных компонентов этой теории. Поздневизантийское письмо по архитектонике значительно отличалось от западноевропейского, расчленившись на четыре части (инскрипцию, прескрипцию, семантема и клаузула), из которых три являлись главными, семантема же составляла основу письма. Она подразделялась, в свою очередь, на 14 эпистолярных формул: формула констатации получения письма, тавмацо-формула, кентрон-формула, хомилия-формула, псифос-формула, формула парусии, филофронетическая формула, формула высказывания по поводу получения письма, формула потребности в письменной связи, мними-мотив, формула приветствия, «формула здоровья», формула просьбы о письме, формула мотивировки собственно письма. Помимо формул, поздневизантийское письмо включало еще собственно сообщение (апангелия), выступавшее в роли связующего звена семантемы. Эпистолярная формула могла иметь разновидности (типы). Состав некоторых формул был сложным. Не все формулы встречались в каждом письме, так как некоторые из них могли выполнять близкие по смыслу функции. В зависимости от внутренней структуры эпистолярные формулы поздневизантийского письма подразделялись на три типа. Спорадическое использование формул зависело от времени и специфики авторского стиля. Однако применение отдельных формул являлось правилом. Наиболь-

шее влияние на модификацию архитектоники письма оказывал фактор времени. Различное место написания писем не приводило к изменениям структуры письма (за исключением эпистолярной формулы «датум») и не влияло на местоположение формулы в письме. Не все типы эпистолярной формулы занимали одинаковое место в эпистолярном произведении. Формулы, употреблявшиеся в определенной части семантемы, могли уступать попеременно друг другу место. В зависимости от времени были возможны перинтеграция или афеза эпистолярных формул. Местоположение каждой формулы в письме было, как правило, вполне определенным, и всегда можно зафиксировать установившуюся последовательность их применения в эпистолярном произведении. Фиксация особенностей архитектоники поздневизантийских писем позволяет не только произвести вычленение писем из общей массы источников, отделить собственно переписку от произведений «в форме писем», отличить подложные письма от подлинных, но и датировать письма в пределах четверти века или даже в более узких хронологических рамках.

Методика введения переписки в научный оборот предусматривает, во-первых, комплексное использование писем и других видов исторических источников. Эпистолярный фактический материал, несущий больший заряд субъективного восприятия, нежели другие источники, нуждается в рассмотрении данных всех прочих источников в целях:

а) избежания односторонности при освещении того или иного вопроса. «Чтобы действительно знать предмет,— писал В. И. Ленин,— надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления»⁷¹;

б) проверки материала переписки данными других источников;

в) выявления того нового, что дают письма, это возможно лишь в сравнении с другими источниками;

г) более глубокого раскрытия фактического содержания переписки, смысла намеков, недомолвок и т. п.;

д) более полного интерпретирования фактических данных прочих источников;

е) избежания гипертрофии или преуменьшения значимости фактического материала переписки.

Во-вторых, нельзя отрывать изучение писем от конкретно-исторического этапа в развитии общества, непременное условие — исследование писем с учетом времени и места их написания. «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать... лишь в связи с конкретным опытом истории»⁷².

В-третьих, необходимо учитывать классовую позицию и политическую направленность переписки.

В-четвертых, следует не забывать специфической природы пи-

сем как источника, который содержит а) наиболее субъективное восприятие действительности по сравнению с другими видами источников; б) доверительное, откровенное изложение; в) острое, с большим чувством выраженное отражение лично увиденного и пережитого (автор письма, как правило, пишет о том, что хорошо знает или лично прочувствовал); г) труднопонимаемое изложение, ибо автор и адресат с полуслова понимали то, о чем шла речь в письме, в таком случае вольно или невольно возможны были недомолвки, упущения конкретных деталей в повествовании; д) сообщение, почти исключаящее возможность фиксации какого-либо цифрового материала; е) данные, возможно, отсутствующие в других видах источников и содержащиеся в письме ввиду индивидуального его предназначения.

В-пятых, требуется более критическое отношение к переписке (вследствие большего ее субъективного характера как источника), которое, однако, нельзя трактовать как нигилистическое недоверие к данным эпистолярного наследия. Напротив, много больше вероятности, что затрагиваемые в письме события изложены неполно. Поясним на примере. Так, ввиду того, что письма поздневизантийского периода должны были соответствовать диафесису адресата, а не автора, и письмо считалось ценнее всех благодеяний, а также вследствие того, что послание должно было содержать материал, который был бы приятен адресату, поздневизантийские авторы писем могли в этих целях лишь скупое упоминать о событиях классовой борьбы или игнорировать их, или в соответствии со своей классовой позицией толковать их превратно, не передавая в полном объеме характера и размаха изображаемых событий. Критическое отношение должно выражаться в том, чтобы «сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом»⁷³.

В-шестых, важно, с одной стороны, не выхватывать отдельные факты и приводить их в качестве иллюстрации и, с другой — не следует брать все вообще факты, без предварительного отбора, включая в исследование только «точные и бесспорные» (В. И. Ленин), предварительно подвергшиеся критическому анализу⁷⁴.

В-седьмых, следует вводить данные переписки в исследование с учетом критериев научной классификации писем, которая не является самоцелью, но должна быть неразрывно связана с задачами исторического исследования. Классификацию писем можно проводить в зависимости от происхождения (от чьего лица написаны⁷⁵), от формы (частные и официальные), от авторства (анонимные, индивидуальные, коллективные), от подлинности (подлинные и подложные⁷⁶), от характера адресата (предназначенные конкретному адресату и открытые⁷⁷), от политической направленности письма⁷⁸, от места написания⁷⁹, от особенностей архитектоники, от реального содержания (наличия фактических данных по тому или иному вопросу). Важнейшим следует признать принцип классификации переписки в зависимости от *реального содержания*.

В-восьмых, необходимо следовать научным критериям оценки эпистолярного наследия (в зависимости от содержания, в сравнении со всей совокупностью других источников, с учетом специфической природы писем как источника). Априорные высказывания не приблизят к истине. Любой обзор, не основывающийся на предварительном анализе всей совокупности переписки по избранному вопросу, будет поверхностным и лишь введет читателя в заблуждение. Задача заключается не в подборе отдельных фактов, показывающих, что переписка освещает все или почти все стороны общественной жизни, а прежде всего в том, что можно ожидать от переписки, что нового она дает по сравнению с другими видами исторических источников, в чем заключается качественная ценность писем. Основной недостаток концепции «деконкретизации» византийской и в том числе поздневизантийской переписки⁸⁰, прогрессирующей «беспредметности переписки» (*Entsachlichung der Briefstellerei*), якобы господствующей в византийской литературе писем⁸¹, «деконкретизации содержания» византийских писем X—XIV вв.⁸² заключается в априорном приговоре переписке до изучения в совокупности византийского эпистолярного наследия. «Деконкретизация содержания» объявляется почему-то «специфически» византийской чертой⁸³, несмотря на то, что, по мнению других исследователей, она присуща итальянской переписке⁸⁴. Думается, что важнейший критерий определения специфики эпистолярного наследия заключается в степени насыщенности фактическим материалом всей совокупности переписки данного конкретно-исторического этапа.

Применяя важнейший принцип классификации поздневизантийских писем (в зависимости от реального содержания), автор попытается далее показать возможности переписки XIII — первой половины XV в. на примере решения следующих взаимосвязанных вопросов: 1) профессиональная структура поздневизантийского ремесленного производства; 2) особенности городского ремесла в поздней Византии; 3) некоторые малоизученные вопросы социального положения городских ремесленников, работавших по найму.

Основным источником для решения поставленных задач послужила поздневизантийская переписка. Вместе с тем, однако, были привлечены источники других видов, чтобы избежать односторонности при освещении конкретно-исторических вопросов: 1) актовый материал; 2) типики; 3) исторические сочинения; 4) законодательные труды; 5) задачники; 6) логосы; 7) художественная литература (басни).

Целесообразным было учесть и данные других, близких к эпистологии, вспомогательных дисциплин (из той группы, в которой каждая дисциплина связана со всесторонним изучением определенного вида источников с точки зрения основных особенностей их содержания и формы), особенно византийской дипломатики, в частности результаты разработки архитектоники грамот⁸⁵.

По значимости содержания поздневизантийские письма можно разделить на несколько групп.

1. Первоклассным источником являются письма Димитрия Кидониса⁸⁶, Мануила II Палеолога⁸⁷, Михаила и Никиты Хониата⁸⁸, Михаила Гавры⁸⁹. Письмо Антония IV к Василию I от 1394/97 г. — незаменимый источник для характеристики поздневизантийской внешнеполитической идеологии⁹⁰. Переписка Афанасия I освещает самые различные стороны внутренней жизни империи⁹¹, любопытны, в частности, его данные об этническом составе Византии на рубеже XIII—XIV вв.⁹² Корреспонденция Никифора Хумна изобилует конкретно-историческими сведениями, ценными для характеристики общества⁹³, особенно важны его письма № 44, 57, 58, 59, 146, 147, 150⁹⁴.

Эпистолярное наследие митрополита Исидора — лучший источник истории падения Константинополя⁹⁵.

Отличительная черта писем первой группы — освещение самых разных аспектов византийской действительности, причем с наибольшей полнотой. Авторами выступают ведущие государственные, политические и церковные деятели.

2. Перепиской второго ранга мы назвали бы письма тех авторов, которые достаточно полно рисуют лишь отдельные черты византийского общества. Возможность расщепления обязанностей парика по отношению к различным феодалам устанавливается по письму № 8 Никифора Влеммида⁹⁶. Переписка его дает богатый материал для изучения внутренней политики Феодора II Ласкариса, а также состояния просвещения в Никейской империи⁹⁷. Важны некоторые письма Феодора II Ласкариса⁹⁸. Иоанн Апокавк сообщает много важных сведений по истории церкви⁹⁹, Димитрий Хоматиан — о внутренней жизни Эпирско-Фессалоникской империи, в частности об этнической среде¹⁰⁰, церковном праве, внешнеполитических связях империи. О действиях латинских захватчиков в Византии гневно пишет патриарх Герман II¹⁰¹, об отношении же византийцев к латинянам неохотно сообщает император Генрих в письме к итальянским прелатам¹⁰². Письмо Фомы Магистра к некоему Исааку дает представление о состоянии морского дела и торговли и о византийской географии¹⁰³. Из переписки Максима Плануда можно почерпнуть подробные данные о личной жизни автора. Ценны письма Иосифа Вриенния к Феодору Мелитениоту, Иоанну Голоболу, Димитрию Кидонису, Николаю Кавасиле, Мануилу II Палеологу¹⁰⁴, письмо № 25 освещает практику эпистолярных связей. К данной группе эпистолографов следует причислить Феодора Метохита и Иоанна Хумна¹⁰⁵. Письма Мануила Калеки содержат оценки некоторых сторон светской жизни (*für die profane Geschichte*)¹⁰⁶. Для изучения внешнеполитической идеологии византийцев следует учесть письмо племянника Мануила II Палеолога Иоанна Палеолога от 1 июня 1402 г.¹⁰⁷ и письмо Иоанна VI Кантакузина от сентября 1347 г. Симеону, великому князю Московскому¹⁰⁸. О характере кабальных займов византийцев

узнаем из письма Иоанна V Палеолога от 15 декабря 1355 г. папе Иннокентию VI. Иоанн VIII в письмах к королю Альфонсу V Великодушному, королю Арагона и Сицилии (1416—1458) жалуется на каталонские пиратские выходы в Средиземном море¹⁰⁹. О тенденциях вертикальной динамики поздневизантийского общества можно судить по письмам Мануила Голобола, Мазариса и Никифора Палеолога Калакиса. О промышленном состоянии Пелопоннеса сравнительно с итальянскими условиями интересные сведения приводятся в письме кардинала Виссариона к деспоту Мистры Константину Палеологу¹¹⁰. Давид Великий Комнин, император Трапезундской империи (1458—1461), в письме к Филиппу Бургундскому от 29 апреля 1459 г.¹¹¹ перечисляет те силы, которые он с союзниками намеревался противопоставить Мехмеду II (помимо готов и аланов, в войске насчитывается 240 тыс. пехотинцев и конников, флот состоял из 20 галер).

3. Письма очевидцев, особенно остро воспринимавших переживаемые ими конкретные события, написаны по какому-нибудь определенному случаю. Феодор, епископ Алянии, оставил письмо о путешествии в Эндемузу (в Никейской империи) между 1223—1240 гг. Николай, митрополит Эфеса (XIII в.), описывает свое пребывание в Никее и Константинополе в 1212—1213 гг. Важным является письмо Варфоломея Яна к Альберту де Сартану от 12 декабря 1438 г., посвященное жестоким издевательствам турок.

4. Особую группу составляет анонимная корреспонденция. О тяжести налогового гнета и социальном протесте горожан свидетельствует письмо жителей г. Дидимотики (1342). Послание прота и иноков Афонской горы к Василию II Васильевичу Темному (1415—1462), великому князю Московскому с 1425 г., написанное в конце 1439 г. или позже, важно для характеристики политических противоречий в византийском обществе. Письмо малоазийских греков к великому магистру иоаннитов Родоса Жаку де Милли (1451—1461) показывает, что турки поставили их в условия физического вымирания.

5. Менее содержательными являются письма преподавателей риторики, грамматики, богословов (Георгий Лакапин, Андроник Зарида, Михаил Апостолис, аббат Нектарий, Равда, Исаак Аргир, Прохор, митрополит и проэдр Крита). Варлаам Калабрийский написал восемь писем только по поводу controversies Паламы. Но встречаются исключения. Таковы письма Феодора Гиртакина о состоянии ремесла¹¹², о трудном материальном положении учителей, учебном расписании¹¹³.

6. Разрозненные, но важные факты содержат письма лиц, не известных по другим источникам¹¹⁴. Из письма некоего Димитрия узнаем, что у византийцев не было средств выкупать пленных (XV в.).

7. В особый разряд мы выделяем переписку чиновников, вельмож, мало осведомленных в общественной жизни. Сотни писем

Константина Акрополита, Димитрия Хрисолоры пусты и бессодержательны ¹¹⁵.

Письма зарубежных эпистолографов, адресованные византийцам, содержат лишь спорадические факты, относящиеся к византийской истории (например, письма Франческо Филельфо) ¹¹⁶.

1. Профессиональная структура поздневизантийского ремесленного производства

Член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова отмечала в 1968 г. необходимость выяснения ряда вопросов развития ремесленного производства ¹¹⁷. По данным переписки, общими терминами для обозначения ремесленников обычно служили такие, как *ho autourgos* ¹¹⁸, *ho banausos* ¹¹⁹, *ho ergates* ¹²⁰, *ho technites* ¹²¹, *cheironactikes* ¹²², реже *ho ergasteriacos*, *ho cheirotechnes*. В поздневизантийском городе письма позволяют зафиксировать 28 категорий ремесленников: валяльщики (*hoi gnarpheis*) ¹²³, гончары (*hoi kerameis*) ¹²⁴, златоткачи (*hoi chrysoclabarioi*) ¹²⁵, зодчие (*hoi architectones*) ¹²⁶, золотых дел мастера (*hoi chrysochooi*, *hoi chrysochoi*, *hoi chrysopoioi*) ¹²⁷, изготовители стрел (*hoi sagittades*, *hoi sagittopoioi*) ¹²⁸, келейники (*hoi kellarioi*, *hoi kellaritai*) ¹²⁹, кузнецы (*hoi chalkeis*) ¹³⁰, лавочники (*hoi capiloi*) ¹³¹, мировары (*hoi myrepsoi*) ¹³², пекари (*hoi mankipes*) ¹³³, переписчики книг (*hoi gnarpheis* ¹³⁴, *hoi graphontes* ¹³⁵, *hoi houtoi graphein epistamenoi*) ¹³⁶, плотники (*hoi pelesanoi*) ¹³⁷, портные (*hoi raptai*) ¹³⁸, прядильщики (*hoi clostai*) ¹³⁹, сапожники (*hoi skyteis* ¹⁴⁰, *hoi skytotomoi*) ¹⁴¹, серебряных дел мастера (*hoi argyrocopoi*) ¹⁴², стекольщики (*hoi hyaleas*, *hoi gyalas*, *hoi gyalias*) ¹⁴³, строители (*hoi camnontes* ¹⁴⁴, *hoi ctistai*) ¹⁴⁵, строители мостов (*hoi gephyropoioi*) ¹⁴⁶, строители осадных машин ¹⁴⁷, судостроители (*hoi naupegoi*) ¹⁴⁸, ткачи (*hoi hyphantai*) ¹⁴⁹, ткачи шерстяных материй (*hoi eriourgai*) ¹⁵⁰, торговцы ячменной мукой (*hoi alphetamoiboi*) ¹⁵¹, хлеботорговцы (*hoi sitocapeloi*) ¹⁵², шелкоткачи (*hoi histourgos hyphasmaton sericon*) ¹⁵³, экипажные мастера (*hoi hamaxonegoi*) ¹⁵⁴. В деревне, по данным переписки, имелись виноделы (*hoi oinopoioi*) ¹⁵⁵.

В письмах важное значение приобретают косвенные данные о ремесле, так как они помогают вместе с материалом других видов источников составить более полное представление о предмете. Косвенный материал в меньшей степени убедителен, но игнорировать его нельзя. Переписка четко сообщает о наличии в империи золотых (*ta chryseia*) и серебряных рудников (*ta argyreia*) ¹⁵⁶. Можно предполагать о существовании в то время свинцовых (*ta molybdeia*) ¹⁵⁷ и медных рудников (*ta chalcorycheia*) ¹⁵⁸.

Особо следует назвать термины, причисление которых к сфере ремесла является, по мнению автора, спорным по разным мотивам (либо это смежные с ремеслом профессии, либо факт наличия именно данных категорий ремесленников недостаточно еще обоснован): врачи (*hoi iatroi*) ¹⁵⁹, кузнецы по меди (*hoi chalcomato-*

pouloi)¹⁶⁰, огородники (hoi lachanades)¹⁶¹, работники по свинцу (hoi molybdourgoi)¹⁶², рыболовы (hoi halieis)¹⁶³, трапезиты (hoi trapezitai)¹⁶⁴, фармацевты (hoi poimentarioi)¹⁶⁵, шпорники (hoi pternisteropoiioi)¹⁶⁶.

По вопросу о профессиональной структуре поздневизантийского ремесленного производства эпистолярное наследие XIII—XV вв. содержит неравноценный материал. Это объясняется тем, что подавляющая масса писем была создана горожанами, которые отражали в переписке, естественно, прежде всего знакомые им условия городской жизни. По данным переписки в городе зафиксировано 28 категорий ремесленников, в деревне — одна, с учетом спорных терминов в совокупности 37.

2. Особенности городского ремесла в поздней Византии

Поздневизантийское общество проходит в своем развитии два этапа: 1204—1282 и 1282—1453 гг. С 80-х гг. XIII в. на него оказывает растущее воздействие турецкое нашествие¹⁶⁷. Над городом нависла угроза утраты контактов с сельским рынком в связи с реальными последствиями вражеского вторжения. По письму Фомы Магистра «Peri ton en te Italou cai Person ephodo gegene-тепоп»¹⁶⁸ можно судить, что в 1308 г. каталонцы устроили осаду Хиландарского монастыря, наполовину разрушили его. В том же году они сожгли на Афоне русский монастырь св. Пантелеймона¹⁶⁹. Георгий (?) Инэот рассказывает в письмах № 157, 158 и 159 о четырехдневном путешествии в Ганос, расположенный во Фракии. Ему и его спутникам довелось увидеть опустошенную в результате турецкого набега территорию (время набега, вероятно, 1326—1327 гг.¹⁷⁰): «Но сверх того можно было сетовать, можно было безутешно скорбеть и рыдать, когда видели деревни, уничтоженные варварами, и ежечасно монастыри, то разрушенные, то оскверненные — о горе! — слугами проклятого Мухаммеда, благоговейно чтимые образы святых, втопанные в грязь. О сколь многочисленные родники, сколь многочисленные источники были погублены с бесчеловечным безумием...»¹⁷¹. Турецкая опасность ограничивала возможность морских и сухопутных поездок, путешествий, торговых связей¹⁷². Занятия сельским хозяйством были поставлены под угрозу¹⁷³. Михаил Гавра имел у Халкидона (на восточном берегу Босфора!) виноградник¹⁷⁴, но никогда там не был¹⁷⁵. Некоторые горожане не были «даже короткое время где-нибудь вне границ города»¹⁷⁶. Георгий (?) Инэот во время четырехдневного путешествия в Ганос весь последний день был в величайшем отчаянии и страхе, вследствие этого и раскаялся в походе¹⁷⁷. Николай Кавасила в письме Димитрию Кидонису свое возвращение в Фессалоники описывает следующим образом: «Все тягостное встретилось мне: прежде всего само плавание, какого зла хуже? Затем пришлось идти пешком, все полно страха»¹⁷⁸. О невозможности проехать из Константинополя в Пелопоннес (ни по морю, ни по

суше) в связи с генуэзско-венецианской войной 1376—1381 гг. неоднократно писал Димитрий Кидонис¹⁷⁹.

В таких неблагоприятных условиях могло упрочить свои позиции лишь ремесло, имеющее постоянный спрос со стороны горожан, защищавшихся от врагов, и поддержку государства. Именно таким ремеслом стало оружейное производство (*he hoploroia*). Из 132 категорий поздневизантийских ремесленников¹⁸⁰ город имел 88, причем городская профессия оружейников (*hoi hoploroioi*) подразделялась на 15 специальностей: алебардчики, баллистари, изготовители колчанов, кинжалов и мечей, луков, осадных машин, пращей, стрел; копейщики, латники, панцирники, пушечные мастера, шлемники, шпорники и щитники. С военным производством были связаны сапожники, шьющие обувь для войска, а также смежные с ремеслом категории кастрофилаксов и гонцов. Более высокая по сравнению с предшествующим временем специализация оружейного дела доказывает высокий уровень состояния данной профессии. К тому же надо учесть те категории ремесленников, деятельность которых была причастна, хотя и не в полной мере, к городскому военному производству: веревочники, врачи, землекопы, каменотесы, кирпичники, кровопускатели, литейщики, лодкостроители, медицинские сестры, мостовики, оптионы (помощники врачей), седельники, строители грузовых кораблей, стен, судостроители, сшиватели кож. Потребности обороны от турецкого нашествия обусловили подъем оружейного дела¹⁸¹. Центром военного производства стал город (Константинополь, Филадельфия¹⁸² и др.). При Иоанне III Дуке Ватаце оружейное производство развивается успешно, к концу XIII в. происходит спад, а затем наступает новый подъем, обусловленный потребностями борьбы с турками. Гипертрофия оружейного производства¹⁸³ приводила к неравномерному развитию других отраслей. Непоследовательность политики Андроника II Палеолога по отношению к ремеслам подтверждается «Словом о гражданских правах» Фомы Магистра¹⁸⁴, в правление которого отношение к оружейникам было негативным,— для боевого снаряжения 10 тыс. (по данным Григоры) или 16 тыс. воинов (по данным Пахимера) у частных лиц насильно отбиралось оружие¹⁸⁵. С начала XIV в. отношение к ремесленникам в целом изменилось в лучшую сторону. Материальному положению их завидовали «месой»¹⁸⁶. В условиях голода в столице ремесленники получали императорские продовольственные пайки¹⁸⁷. Музалон и Хумн осчастливили ремесленников настолько, насколько возможно, по словам Феодора Гиртакина¹⁸⁸. Жизнь ремесленников вызвала зависть со стороны учительства¹⁸⁹. Оружейное производство в XIV в. было привилегированным¹⁹⁰ — специалисты не привлекались к военной службе¹⁹¹. Византийские оружейники пользовались авторитетом. Переходя на службу к соседям, они тотчас же возглавляли соответствующие оружейные специальности¹⁹². Сказывалось воздействие Византии в военном деле на соседние страны¹⁹³. Генуэзцы осознавали значение оружейных

мастерских на Месе¹⁹⁴. Утрату Константинополем функций центра экспортного ремесла¹⁹⁵ в определенной степени можно объяснить гипертрофией оружейного производства.

Анализируя разделение труда в городском ремесле, следует обратить внимание на наибольшее развитие специализации ремесла именно в военном производстве (оружейное дело), которая превзошла по уровню специализацию предшествующего времени. Несмотря на ряд неблагоприятных, сложных условий для ремесленного производства, что обусловило упадок или статику большинства ремесленных отраслей, потребности обороны от турецкого нашествия вызвали подъем оружейного производства, который, правда, не был прямолинейным. Центром военного производства стал город, ибо добиться даже спорадических успехов можно было лишь под защитой крепостных стен. В противовес известному наблюдению П. Караниса, нужно, отмечая непоследовательность политики правительства по отношению к ремесленникам, поставить под сомнение его тезис об отсутствии всякой заботы о ремесле. Оружейники находились в привилегированном положении по сравнению с другими ремесленниками.

Гипертрофия оружейного производства в Византии XIII—XV вв.—основная черта развития городского ремесла. Модификации в ремесленном производстве происходили под воздействием внешней опасности и являлись разновидностью военных издержек Византийской империи.

С наступлением каждого нового этапа турецкого нашествия разрушение производительных сил Византийского государства принимало все более действенный характер. Сократилась территория, а вместе с нею материальные и людские ресурсы. Экономические связи между различными областями, между городом и деревней становились все более затруднительными. Даже в городе, под защитой крепостных стен, ремесло не могло развиваться беспрепятственно. Нужно иметь в виду не только сужение внутренних связей, но и необходимость приспособления ремесла к нуждам обороны.

3. Некоторые малоизученные вопросы социального положения городских ремесленников, работающих по найму

В поздней Византии труд по найму был распространенным явлением. В роли сельских наемных работников могли выступать как представители деклассированной прослойки, так и крестьяне¹⁹⁶. В городе ряды наемных работников пополнялись и за счет ремесленников, но, по всей вероятности, не всех категорий (это зависело и от времени). Источники называют в данном случае оружейников (*technitai ton diaphoron hoplon*)¹⁹⁷, пекарей¹⁹⁸, переписчиков¹⁹⁹, врачей²⁰⁰, помощников врачей²⁰¹, медицинских сестер²⁰², заведующих аптеками²⁰³, фельдшеров²⁰⁴, фармацевтов²⁰⁵, кровопускате-

лей²⁰⁶, поваров²⁰⁷, строителей²⁰⁸. Любопытно, что с конца XIII в. оружейники уже не встречаются в качестве наемных работников. Труд по найму свидетельствовал о бедности ремесленника. Местом работы являлись то «государственные дома» (*demosioi oicoi*)²⁰⁹, то монастырская больница (*ho xepov*)²¹⁰, то арендованный работодателем у монастыря сад (*keroperibolia*)²¹¹.

Ремесленники работали за плату (*epi mistho*)²¹², иногда — за плату с пропитанием (*ho misthos... meta tes trophes*)²¹³. Оплата наемного труда производилась ежедневно (*cath' hecasten heme-gan*)²¹⁴ или ежемесячно (*cata mena*)²¹⁵. Отсутствуют данные о том, чтобы оплата труда ремесленника производилась ежегодно (*cata etos*), как в случае с другими монастырскими работниками²¹⁶, или чтобы заработок выдавался перед началом работы в качестве задатка (*ho aggrapon*)²¹⁷, хотя это записано в легислативном сочинении.

Форма оплаты труда ремесленников в роли наемных работников была различной: фиксировалась в денежном выражении²¹⁸, в натурально-денежном²¹⁹, а в условиях голода оплата была натуральной в виде императорских продовольственных пайков²²⁰.

Размер заработка зависел от профессии и от времени. За создание хороших условий для занятий ремеслом²²¹ и обеспечение наемным работникам приличного заработка²²² ратовал Фома Магистр (конец XIII в. — около 1330 г.) в «Слове о гражданских правах».

Письма показывают, что в 1381—1382 гг. наемные работники в Византии получали более низкую плату, чем итальянцы, причем бедность, как отмечал Димитрий Кидонис, будет вынуждать их удовлетворяться еще более малой платой²²³. Конечно, нельзя забывать, что наемные работники вербовались не только из числа ремесленников.

Если материальному положению ремесленников даже завидовали другие группы населения, то, видимо, это не относилось к тем категориям ремесленного населения, которые работали по найму. Они вряд ли имели пахотные участки (отсутствие их типично и для сельских ремесленников²²⁴). В отношении виноградников сказать что-то определенное трудно (в деревне только примерно $\frac{1}{3}$ от общего числа ремесленников не имела виноградников). Работающие по найму городские ремесленники имели собственные дома. Наемный работник-пекарь жил в своем доме (*oiketike oikia*)²²⁵. Ремесленников — наемных работников обозначали термином *misthioi*.

Ремесленники могли быть заняты на работе весь день (такого ремесленника источник называет *ho holemerenos ergates*)²²⁶. Жалование называлось *ho misthas* и *he exodos*²²⁷. Подряд на строительство дома в течение 50 дней составлял 1 000 аспров (71,42 перпера)²²⁸. Изготовление цистерны²²⁹ стоило 100 перперов²³⁰. В начале XIV в. строительство корабля обходилось в 100 перперов²³¹. По данным С. Векарича, в строительстве корабля участвовали су-

довой архитектор, пильщики досок, плотники, веревочник, заготовители парусов и весел, кузнец и конопатчики-калафаты²³². Персонал больницы константинопольского монастыря Лива²³³ состоял из 21 человека. Больница имела 15 коек (12 для больных и 3 для фельдшеров)²³⁴. Жалование каждого из трех врачей составляло 16 перперов²³⁵, помощника врача (оптиона) — 12 перперов²³⁶, медицинской сестры — 14 перперов²³⁷, заведующего аптекой — 12 перперов²³⁸, фельдшера (всего было шестеро) — 10 перперов²³⁹, фармацевта (двое) — 12 перперов²⁴⁰, кровопускателя — 4 перпера²⁴¹, дулевта (их трое) — 10 перперов²⁴², повара — 10 перперов²⁴³, прачки — 5 перперов²⁴⁴.

Качественный уровень работы ремесленников, трудящихся по найму, особо подчеркивается в письмах. Так, узнаем, что качество труда переписчиков (*graphontes misthou*) было невысоким²⁴⁵.

Доставка писем оплачивалась по-разному, в зависимости от характера поручения. За подобную работу переводчик Иоанн из Константинополя получил 24 декабря 1366 г. один флорин хорошего веса, преодолев расстояние от Месемврии до крепости Аквила (близ современного Айтоса)²⁴⁶. За доставку писем императора Иоанна V Палеолога к царю Ивану Александру одному греку (имя в источнике не указано) было заплачено 17 февраля 1367 г. 8 флоринов хорошего веса²⁴⁷.

Количество ремесленников-наемных работников в источниках фиксируется от 1 до 104 в различных случаях²⁴⁸. Не все категории ремесленников одинаково котировались. *Technitai, ergatai* противопоставлялись по качеству труда и, по-видимому, по величине платы в пользу первых. Труд ремесленников разных специальностей оплачивался неравномерно. Кровопускатели входили в группу, получающую меньше других (врач имел жалование 16 перперов, медицинская сестра 14, фармацевт 12, повар 10, а кровопускатель только 4). Те категории ремесленников, труд которых оплачивался менее других, искали побочные средства к существованию. Видимо, этим объясняется тот факт, что сельские кровопускатели входили в группу ремесленников, имевших самые большие по величине виноградники²⁴⁹. К этой же группе относились и переписчики, которые, имея заброшенные земли, даже не платили поэтому телос. Городских и сельских переписчиков и кровопускателей объединяют невысокая оплата их труда и поиски дополнительных средств к существованию.

Напрашивается вывод, что среда городских ремесленников не являлась однородной. Низшую группу ее составляли работающие по найму. Конечно, причины формирования такой группы были различны. Но основная причина — необходимость найти средства для существования. Данная группа, в свою очередь, подразделялась на различные категории в зависимости от величины заработка.

Важным представляется и тот материал в письмах, который

освещает положение малоизученных групп населения (пениты, мистарнунтес и др.). Переписка сообщает сведения о степени налогового обложения, о методах сбора налогов, о группах населения, принуждаемых к уплате налогов. Совершенно новые сведения содержат письма о социальных противоречиях в Константинополе во второй половине XIV в. Классовая позиция эпистолографов и политическая направленность переписки ярко проявляются в мотивах недоверия, презрения, ненависти к народным массам и страха перед ними.

Переписка исключительно остро реагирует на внешнеполитические изменения и содержит богатые данные для характеристики в этой ситуации состояния дел при императорском дворе, в армии, в церкви, финансового положения. Переписка фиксирует виды и рост военных расходов (прямого или косвенного характера), связанных с необходимостью обороны (строительство оборонительных укреплений, подготовка дополнительных военных сил, уплата дани, участие императоров с их войсками в качестве вассалов в военных операциях турок). В письмах содержатся дополнительные сведения о подготовке вражеских вторжений со стороны соседей (такие сведения отсутствуют в других видах источников), прослеживаются влияние внешней опасности на изменение церковной политики Византийской империи, характер турецкой политики по отношению к населению захваченных областей (применение смертной казни, пленение, продажа в рабство). Жители таких областей готовы были при первом же случае согласиться на «латинское» господство с тем, чтобы избавиться от турецкого. Переписка фиксирует основные вехи турецкого нашествия и по сравнению со всеми другими видами источников первая определяет турецкую опасность как «главное зло» для развития Византийского государства. Письма подробно освещают (помимо таких аспектов, как разрушение производительных сил, сокращение связей между городом и деревней) и другие последствия турецкого нашествия — рост упадочнических настроений среди населения, различную степень осознания ромеями (в зависимости от времени) характера турецкого завоевания. Вместе с тем письма как источник для изучения внешнеполитического положения (как, впрочем, и ряда других вопросов) имеют недостаток: в них, как правило, отсутствует цифровой материал.

Эпистолярное наследие поздней Византии дает возможность проследить поэтапное развитие официальной доктрины ойкумены, вплоть до классического выражения ее в письме Антония IV к Василию I в Москву (1394/97). Поздневизантийская переписка фиксирует изменения в политическом мировоззрении некоторых ведущих государственных деятелей в плане осмысления нереальности великодержавных устремлений.

В целом поздневизантийская эпистолография, отразившая ярко субъективное, острое, непосредственное восприятие и доверительное отражение действительности и с этой точки зрения противо-

стоявшая всем другим видам источников в совокупности, должна рассматриваться как один из основных видов письменных исторических источников для исследования общественного строя поздней Византии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сметанин В. А. Эпистолагафия. Свердловск, 1970. См. рец. на кн.: Лише в С. Н.—Исторически преглед, год. 26, 1970, кн. 6, с. 108—109; Browning R.—BZ, 1971, Bd. 64, H. 1, S. 148; Garzya A.—Le parole e le idee, 1971, v. 13, p. 399—400.

² Сметанин В. А. Из истории эпистолаграфии.—ВИ, 1971, № 1, с. 212, 216.

³ Карпов С. П., Фонкич Б. Л. X Всесоюзная конференция византинистов в Москве.—ВВ, 1977, т. 38, с. 270.

⁴ Сметанин В. А. Эпистолалогия поздней Византии. Постановка проблемы и обзор историографии.—АДСВ, 1977, вып. 14, с. 60—76; Егo же. Эпистолалогия поздней Византии. Прозевис (конкретно-историческая часть).—АДСВ, 1978, вып. 15, с. 60—82.

⁵ В словаре О. С. Ахмановой, лучшем словаре лингвистических терминов современности, данный термин отсутствует, см.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1969.

⁶ Sykutris J. Epistolographie.—Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1931, Supplementband 5, S. 186. См. также: Eiusdem. Probleme der byzantinischen Epistolographie.—Actes du IIIme Congrès international d'études byzantines. Athènes, 1932, p. 295.

⁷ Античная эпистолаграфия. Очерки. М., 1967, с. 4; Византийская литература. М., 1974, с. 22—23, 181.

⁸ Tomadakes N. B. Byzantine epistolographia. Athenai, 1955, S. 12—16.

⁹ Именно в таком смысле термин «эпистолаграф» употребляется в ст.: Сметанин В. А. Об объеме эпистолярного наследия поздневизантийских авторов.—АДСВ, 1973, вып. 10, с. 297—303.

¹⁰ Сметанин В. А. Эпистолалогия поздней Византии. Свердловск, Урал. ун-т (рукопись).

¹¹ Липшиц Е. Э. Несколько замечаний о Василиках как источнике.—ВВ, 1958, т. 14, с. 79; Сметанин В. А. Наемные работники поздневизантийской деревни.—ВВ, 1971, т. 32, с. 56—57; Егo же. О статусе некоторых категорий париков в поздней Византии.—ВВ, 1972, т. 33, с. 7—8. Об информных выводах в отношении польской терминологии см.: Разумовская А. В. Очерки по истории польских крестьян. М.—Л., 1958, с. 16.

¹² Migne PG, 1866, t. 161, col. 717.

¹³ Ibid., 1866, t. 159, col. 1023.

¹⁴ Fatouros G. Die Briefe des Michael Gabras (ca. 1290 — nach 1350).—Wiener byzantinistische Studien, herausgegeben von Hunger H. Wien, 1973, Bd. 10, T. 1—2, ep. 421.117 (далее — Gabras).

¹⁵ Migne PG, 1887, t. 140, col. 472 A. Кстати, Ж. П. Минь, который придерживался в целом терминологического метода, в данном случае противоречит себе, не считая этот источник письмом.

¹⁶ Ibid., 1866, t. 161, col. 727.

¹⁷ Ibid., 1866, t. 152, col. 1262 D.

¹⁸ Ibid., 1866, t. 159, col. 1023.

¹⁹ Ibid., 1887, t. 140, col. 387.

²⁰ Ibid., 1866, t. 149, col. 923.

²¹ Ibid., 1866, t. 152, col. 1365.

²² Ibid., col. 1403.

²³ Ibid., 1887, t. 140, col. 490—491, 501—503, 503—505, 505—506, 521—522, 524—526, 562—574.

²⁴ Ibid., col. 483—574.

²⁵ Ibid., 1866, t. 155, col. 831—952.

²⁶ Попова Т. В. Византийская эпистолография.—В кн.: Византийская литература, с. 205.

²⁷ Koskenniemi H. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 h. Ch. Helsinki, 1956, S. 35.

²⁸ Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение.—ВВ, 1969, т. 30, с. 73—93; Его же. Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд).—Палестинский сборник, 1971, вып. 23, с. 125—143; Его же. Михаил Пселл и Михаил Кируларий.—Klio, 1972, Bd. 54, S. 351—360; Его же. Пселл в отношениях с современниками.—ВВ, 1973, т. 34, с. 72—87; Его же. Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев).—ВВ, 1973, т. 35, с. 89—102; Его же. К биографии Иоанна Мавропода.—Byzantinobulgarica, 1973, v. 4, p. 41—51; Его же. Византийский монах XI в. Илья (По материалам переписки Михаила Пселла).—АДСВ, 1973, вып. 10, с. 198—202.

²⁹ Античная эпистолография, с. 16.

³⁰ Византийская литература, с. 181.

³¹ Любарский Я. Н. Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев), с. 101, примеч. 27.

³² Ученова В. В. Гносеологические корни публицистики. М., 1971.

³³ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. München—Berlin, 1932, T. 3, Nr. 1704, 1744, 1757, 1823 a, 1834, 1835, 1836, 1837, 1838, 1839, 1906, 1914, 1916, 1923, 2002, 2002 a, 2006, 2007, 2008, 2009, 2017, 2028, 2029, 2038, 2041, 2054, 2072, 2074, 2075. Новое издание: Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, erw. Aufl. bearb. v. P. Wirth. München, 1977, T. 3.

³⁴ Dölger F. Regesten... München—Berlin, 1960, T. 4, Nr. 2088, 2117, 2192, 2344, 2346, 2358, 2391, 2417, 2418, 2440, 2461, 2477, 2564, 2565, 2566, 2653, 2660, 2666, 2670, 2671, 2688, 2690, 2691, 2692, 2693, 2751.

³⁵ Dölger F. Regesten... München—Berlin, 1965, T. 5, Nr. 2927, 2928, 2929, 2930, 2937, 3020, 3071, 3079, 3122, 3126, 3183 a, 3184, 3197, 3198, 3269, 3272, 3275, 3283, 3284, 3317, 3326, 3338, 3339, 3343, 3357, 3361, 3406, 3417, 3440, 3445, 3447, 3448, 3449, 3450, 3451, 3452, 3470, 3476, 3477, 3478, 3479, 3491, 3496, 3507, 3513, 3522, 3527, 3528, 3533, 3544.

³⁶ Ibid., Nr. 3498, 3499, 3503, 3504, 3512, 3520, 3522, 3526, 3534, 3535, 3539, 3548, 3549, 3551.

³⁷ Яковенко П. А. Исследования в области византийских грамот. Юрьев, 1917.

³⁸ Dölger F., Karayannopulos J. Byzantinische Urkundenlehre. 1. Abschnitt: Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. 19.

³⁹ Рец. на кн.: Dölger F., Karayannopulos J. Byzantinische Urkundenlehre...—ВВ, 1971, т. 32, с. 262.

⁴⁰ Dölger F., Karayannopulos J. Byzantinische Urkundenlehre, S. 71 f.

⁴¹ Joannu P. Rec.: Tomadakes N. B. Byzantine epistolographia. En Athenais, 1955.—BZ, 1957, Bd. 50, H. 2, S. 438.

⁴² Сметанин В. А. Из истории эпистолографии, с. 213.

⁴³ Смысл понятий метаязыка лингвистики трактуется в соответствии с книгой: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. К сожалению, в словаре отсутствует термин «эпистолярная формула».

⁴⁴ См.: Сметанин В. А. Категории византийского крестьянства в XIII—XIV вв. Свердловск, 1967, с. 4.

⁴⁵ Migne PG, 1887, t. 140, col. 471—482.

⁴⁶ Ibid., col. 472 A. 1.

⁴⁷ Ibid., col. 472 A. 1—4.

⁴⁸ Ibid., col. 472 A. 4.

⁴⁹ Ibid., col. 472 A. 5—10.

⁵⁰ Ibid., col. 472 A. 4.

⁵¹ Allatius L. Symmicta sive opuscula graeca et latina, vetustiora et recentiora. Venetiis, 1733, pars 2, p. 318.

⁵² Ibid., p. 382.

⁵³ Ср. со структурой существующих перестов поздневизантийских писем:

Dölger F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, Nr. 93 etc.; Eiusdem. Regesten..., T. 5, Nr. 3020 etc.; Irmischer J. Die im Druck erschienenen Briefe des Theodoros Gazes.—Charisteria Francisco Novotny octogenario oblata, cur. F. Stiebitz, R. Hosek. Praha, 1962, p. 51—58 (пересты 22 опубликованных писем Феодора Газа).

⁵⁴ Baronius C. Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198. Romae, 1607, v. 12, hic 1176.XXI—XXII, XXII—XXIV, XXIV—XXV; 1178.XIII, XIV, XV—XVI; 1179.X—XI; 1180.XXVI—XXVIII, XXIX—XXXIII; 1188.XXX—XXXI.

⁵⁵ Васильевский В. Г. О письмах митрополита Керкирского Георгия, которые находятся в церковных анналах Барония.—ЖМНП, 1885, апр., ч. 238, с. 224 сл.

⁵⁶ Kurtz E. Georgios Bardanes, Metropolit von Kerkyra.—BZ, 1906, Bd. 15, S. 610.

⁵⁷ Ibid., S. 607.

⁵⁸ Hoeck J. M., Loenertz R. J. Nikolaos — Nektarios von Otranto Abt von Casole. Ettal, 1965, S. 147—235.

⁵⁹ Papamichalopoulos K. Poliorkia cai halosis tes Monembasias hypoton Hellenon to 1821. Athenai, 1874, s. 16—17.

⁶⁰ Kampouroglous D. Gr. Epistole tou basileos Andronicou tou Palaiologou.—Panathenaia, etos 5, 1905, teuchos 111, s. 71—74.

⁶¹ Bees N. Elegchos plastes epistoles Andronicou II tou Palaiologou pros Alexion Sebastianon.—Ho Noumas, chronos 3, 1905, n. 150 (29 tou Mae 1905), s. 8—9.

⁶² Lampros Sp.—Panathenaia, etos 5, 1905, teuchos 112 (31 tou Mae 1905), s. 127 hex.

⁶³ Krumbacher K. Rec.: Kampouroglous D. Gr. Epistole...—BZ, 1905, Bd. 14, S. 703.

⁶⁴ Dölger F. Regesten..., T. 4, Nr. 2440.

⁶⁵ Jugie M. La lettre de Georges Amiroutzès au Duc de Nauplie Démétrius sur le concile de Florence.—Byzantion, 1939, v. 14, p. 77 s.

⁶⁶ Dölger F. Rec.: Jugie M. La lettre...—BZ, 1940, Bd. 40, S. 302.

⁶⁷ Gill J. A Tractate about the Council of Florence attributed to George Amiroutzes.—Journal of Ecclesiastical History, 1958, v. 9, p. 30 f.

⁶⁸ Laurent V. Rec.: Gill J. A Tractate...—BZ, 1958, Bd. 51, H. 2, S. 479.

⁶⁹ См.: Корелин М. Ранний итальянский гуманизм и его историография. М., 1892, вып. 1, с. 240.

⁷⁰ Sykutris J. Epistolographie, S. 212—213.

⁷¹ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина.—Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

⁷² Ленин В. И. Письмо И. Ф. Арманд, 30 ноября 1916 г.—Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.

⁷³ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?—Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.

⁷⁴ Вайнштейн О. Л. Марксизм-ленинизм об историческом факте.—В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970, с. 15.

⁷⁵ В зависимости от происхождения поздневизантийские письма можно подразделить на светские и церковные; светские — на письма императоров, деспотов, севастократоров, чиновников, купцов, представителей интеллигенции (преподавателей риторики, грамматики, врачей, философов, историков, богословов). Церковные — на патриаршие, синодальные, митрополичьи, епископские, протов, игуменов, монахов.

⁷⁶ Подложные можно расчленить на две группы — письма, приписываемые конкретным историческим личностям, и письма вымышленных лиц (пример последнего: Migne PG, 1866, t. 153, col. 41—46).

⁷⁷ См. поздневизантийские открытые письма: Festa N. Theodori Ducae Lascaaris epistulae. Firenze, 1896, p. 272—282 (письмо Феодора II Ласкариса, написанное незадолго до 25 мая 1256 г.); Migne PG, 1866, t. 159, col. 953—956 (письмо Исидора Рутенского от 1453 г. ко всем христианам). Открытые письма делились

на две группы — адресованные конкретному лицу и не имеющие конкретного адреса (см. примеры писем первой группы; Dölger F. *Regesten...*, T. 5, Nr. 3527, 3528).

⁷⁸ В поздней Византии можно вычленил письма латинофранков, ортодоксов, туркофилов, антипаламитов, исихастов, арсениатов, унионистов.

⁷⁹ Наибольшее число поздневизантийских писем принадлежит константинопольцам, на втором месте — фессалоникийцы.

⁸⁰ Karlsson G. *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine.*— *Textes du Xe siècle analysés et commentés.* Uppsala, 1959, p. 14—33 (новое издание вышло в 1962 г.); Hunger H. *Johannes Chortasmenos* (ca. 1370—ca. 1436/37). *Briefe, Gedichte und kleine Schriften.* Einleitung, Regesten, Prosopographie, Text. Wien, 1969, S. 35.

⁸¹ Sykutris J. *Epistolographie*, S. 219.

⁸² Попова Т. В. Византийская эпистография.— В кн.: Византийская литература, с. 184, 208—210.

⁸³ Там же, с. 205—206.

⁸⁴ Butler K. T. *The Gentlest Art in Renaissance Italy.* London, 1954, p. 19; *Individu et société à la Renaissance.* Paris, Bruxelles, 1967, p. 15 s.

⁸⁵ Ralles G., Potles M. *Syntagma ton theion cai hieron canonon.* Athenai, 1855, T. 5, s. 497—512; Яковенко П. А. Исследования в области византийских грамот. Юрьев, 1917; Dölger F. *Aus den Schatzkammern...*, S. 19—24, 90, 150—153, 212—218, 271, 283; Eiusdem. *Byzantinische Diplomatik.* Ettal, 1956; Dölger F., Karayannopoulos J. *Byzantinische Urkundenlehre*, S. 24, 27—56, 71—128.

⁸⁶ Lampros S. P. *Byzantinische Desiderata.*— BZ, 1892, Bd. 1, S. 189; Wirth P. *Rec.: Démétrius Cydonès. Correspondance.* Publiée par R.-J. Loenertz, v. 1—2. Vatic., 1956—1960.— BZ, 1963, Bd. 56, H. 2, S. 341—344; Липшиц Е. Э. Наука и богословие.— В кн.: История Византии. М., 1967, т. 3, гл. 14, с. 229.

⁸⁷ История Византии, т. 3, с. 13; Публикацию писем Мануила II Палеолога готовит G. T. Dennis (Washington); см. также новейшие монографии о Мануиле II: Dennis G. T. *The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382—1387.* Rome, 1960; Barker I. W. *Manuel II Palaeologus (1391—1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship.* New Brunswick—New York, 1969.

⁸⁸ Успенский Ф. И. Неизданные речи и письма Михаила Акомината.— ЖМНП, 1879, ч. 201, с. 118; Его же. Рец. на кн.: Michael Acominatos tou Choniatoi ta Sozomena, ed. Sp. P. Lampros, t. 1—2. En Athenais, 1879—1880. Одесса, 1881, с. 9, 12—13, 18; Nicetae Choniatae *Orationes et epistulae*, ed. I. A. van Ditten. Berlin—New York, 1973.

⁸⁹ Lampros S. P. *Byzantinische Desiderata*, S. 189.

⁹⁰ Ostrogosky G. *History of the Byzantine State.* Oxford, 1956, p. 492; Obolensky D. *Byzantium and Russia in the Late Middle Ages.*— *Europe in the Late Middle Ages*, ed. by J. R. Hale, J. R. L. Highfield, B. Smalley. London, 1965, p. 259.

⁹¹ Beck H.-G. *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich.* München, 1959, S. 692; Барabanов Н. Д. Общецерковно-политическая мысль Византии на рубеже XIII—XIV вв.— Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1977, с. 88—90; Constantelos D. J. *Life and Social Welfare Activity of Patriarch Athanasios I (1289—1293, 1303—1309) of Constantinople.*— *The Byzantine Fellowship Lectures*, Brookline, 1975, v. 2, p. 73—88. Новые издания переписки Афанасия I: Laiou A. E. *Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282—1328.* Cambridge (Mass.), 1972, Appendix 1 (p. 334—340); Maffry Talbot A. M. *The Correspondence of Athanasius, Patriarch of Constantinople.* Washington, 1975.

⁹² Athanasii cp. *Patriarchae epistolae.*— Migne PG, 1865, t. 142, col. 510—511.

⁹³ Verpeaux J. *Nicéphore Choumnos homme d'Etat et humaniste byzantin* (ca 1250/1255—1327). Paris, 1959, p. 65; Sevcenko I. *Etudes sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos.* Bruxelles, 1962, p. 9.

⁹⁴ Boissonade J. Fr. *Anecdota Nova*. Parisiis, 1844, p. 57—60, 64—66, 169—170, 172—173.

⁹⁵ Из новейшей литературы об Исидоре Киевском см.: Kresten O. Eine Sammlung von Konzilakten aus dem Besitze des Kardinals Isidoros von Kiev. Wien, 1976.

⁹⁶ Ahrweiler H. *Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance*. London, 1971, 4, p. 60, n. 6.

⁹⁷ Festa N. *Theodori Ducae Lascaris epistulae* CCXYII. Firenze, 1898, p. 325—326. О значении писем Влеммида см.: Heisenberg A. *Nicephori Blemmydae Curriculum vitae et carmina*. Lipsiae, 1896, p. XXXIII—XXXVI; Eiusdem.—BZ, 1900, Bd. 9, S. 218.

⁹⁸ Παπαδοπουλος J. Théodore II Lascaris empereur de Nicée. Paris, 1908, p. 162—166; G(uilland) R. Rec.: Antoniadis S. Sur une lettre de Théodore II Lascaris. *L'Hellénisme Contemporain*, 2e série, VIII année, 1954, p. 356—361.—BS, 1955, v. 16, fasc. 1 p. 158; P.-Kerameus A. Rec.: Festa N. *Theodori Ducae Lascaris epistulae* CCXVII. Firenze, 1898,—BB, 1899, т. 6, с. 549 (негативная оценка).

⁹⁹ Beck H.-G. Kirche..., S. 708. В этом отношении важным является новое издание писем епископа Матфея Эфесского: Reinsch D. *Die Briefe des Matthaios von Ephesos im Codex Vindobonensis Theol. Gr. 174*. Berlin, 1974.

¹⁰⁰ Ангелов Д. По вопросу за населению в Македония през средневековната епоха VII—XIV вв.—Изкуство, год. 12, 1962, кн. 4—5, с. 37.

¹⁰¹ Germani Constantinopolitani Patriarchae epistola ad Cyprios.—Cotelier J. B. *Ecclesiae graecae monumenta*. Lutetiae Parisiorum, 1681, v. 2, p. 262; Germani Constantinopolitani Patriarchae epistula ad Gregorium papam.—Hardouin J. *Conciliorum Collectio*. Parisiis, 1715, t. 7, p. 151.

¹⁰² Lauer Ph. Une lettre inédite d'Henri Ier d'Angre, empereur de Constantinople, aux prélats italiens (1213 ?).—*Mélanges G. Schlumberger*. Paris, 1924, v. 1, p. 198 s.

¹⁰³ Krumbacher K. Rec.: Treu M. *Die Gesandtschaftsreise des Rhetors Theodulos Magistros*.—*Jahrbuch für classische Philologie*. Supplementband 27, Leipzig, 1900, H. 1, S. 1—30.—BZ, 1901, Bd. 10, S. 318.

¹⁰⁴ Beck H.-G. Kirche..., S. 750.

¹⁰⁵ Sevcenko I. *Etudes...*, p. 9; Treu M. *Der Philosoph Joseph*.—BZ, 1899, Bd. 8, H. 1, S. 49—50.

¹⁰⁶ Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Berlin, 1958, Bd. 1,2. Aufl, s. v. Manuel Calacas.

¹⁰⁷ *Royal and Historical Letters during the Reign of Henry the Fourth*, ed. by the Rev. F. C. Hingeston. London, 1860, v. 1, ep. 42, p. 101—103.

¹⁰⁸ Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi*. Vindobonae, 1860, v. 1, p. 263.

¹⁰⁹ Ditten H. Beziehungen zwischen Spanien und dem byzantinischen Bereich im Mittelalter (6.—15. Jahrhundert). Eine kurze Übersicht.—*Byzantinistische Beiträge*, hrsg. von J. Irmscher. Berlin, 1964, S. 285.

¹¹⁰ Lampros S. P. *Palaiologeia cai Peloponnesiaca, ex hecaton cai hyperekeina bibliothekon cai archeion nyn to proton ta pleista ecdidomena*. En Athenais, 1930, t. 4, s. 42. 18—25. Ср.: Köpstein H. Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Berlin, 1966, S. 112; Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 82—83.

¹¹¹ Ср.: Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929, с. 135.

¹¹² La Porte-du Theil F. J. G. Notice et extraits d'un volume de la Bibliothèque nationale, coté MCCIX, parmi les manuscrits Grecs, et contenant les Opuscules et les Lettres anecdotes des Théodôre l'Hyrtaçénien.—*Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque Nationale (royale) et autres bibliothèques*, publiés par l'Institut National de France, 1798, t. 5, p. 733—744; 1800, t. 6, p. 3—48 (далее — Hyrt.), hic ep. 35, 38, 53, 63, 74, 77. В целом переписку Феодора Гиртакина оценивают в историографии крайне негативно. Г.-Г. Бекк заявляет: «Он занимает скромное место (schmaler Platz) в истории эпистолографической литературы византийцев, где он, по словам Крумбаха, блещет бедностью мысли и

безвкусицей» (Beck H.-G. Kirche..., S. 691). Не менее категоричен в своей оценке и Д. Ангелов: «Для большей части его творений, в том числе и сохранившихся от него 32 писем (ошибка! Должно быть 93.—В. С.) характерны пустая риторичность и скудость мысли» (Ангелов Д. История на Византия. 1204—1453. 4-е изд. София, 1972, ч. 3, с. 153). Следует учесть информное мнение Ф. Фукса (Fuchs F. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig—Berlin, 1926, S. 58). По поводу обвинения в «безвкусице» стиля можно ответить, что в письмах Феодора Гиртакина используются разнообразные изобразительно-выразительные средства языка: как стилистические фигуры (анафора, параллелизм, антитеза, градация, инверсия, полисиндетон, асиндетон, риторический вопрос, риторическое обращение, эллипсис), так и тропы (эпитет, сравнение, метафора, метонимия, олицетворение, синекдоха, гипербола, ирония, перифраз). Гиртакин не склонен применять литоту, умолчание, аллегория и эпифору. Приведем примеры использования анафоры (Hyrт., ep. 74.17—24), параллелизма (ep. 74.18—20), антитезы (ep. 74.23—24), градации (ep. 74.21—22), инверсии (ep. 74.23—24), полисиндетона (ep. 35.8—9), асиндетона (ep. 74.23—24), риторического вопроса (ep. 74.18—21), риторического обращения (ep. 35.8; 53.15), эллипсиса (ep. 74.21), эпитета (ep. 55.44—45), сравнения (ep. 38.36), метафоры (ep. 55.44—45), метонимии (ep. 35.10), олицетворения (ep. 74.21—22), синекдохи (ep. 38.8—9), гиперболы (ep. 77.22—23), иронии (ep. 77.23—24), перифразы (ep. 74.19).

¹¹³ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, Aufl. 2, S. 560; Maas P. Rec.: Georgii Lacapeni et Andronici Zaridae epistulae XXXII cum epimerismo Lacapeni, ed. S. Lindstam. Gotoburgi, 1924,—BZ, 1925, Bd. 25, S. 408; Beck H.-G. Kirche..., S. 670, 691; Липшиц Е. Э. Наука и образование.—В кн.: История Византии, т. 3, гл. 14, с. 222, 232.

¹¹⁴ История Византии, т. 3, с. 13.

¹¹⁵ Krumbacher K. Rec.: Treu M. Neos codex ton ergon tou megalou logothetou Constantinou tou Acropoliton.—DIEEE, 1892, t. 4, s. 35—50.—BZ, 1892, Bd. 1, S. 622; Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403).—ЖМНП, 1912, май, новая серия, ч. 39, с. 42.

¹¹⁶ Hartfelder K. Rec.: Legrand Em. Cent-dix lettres grecques de François Filelfe. Paris, 1892.—BZ, 1893, Bd. 2, S. 156.

¹¹⁷ Удальцова З. В. Развитие советского византиноведения.—ВИ, 1968, № 6, с. 85, 91.

¹¹⁸ Термин «ho autourgos» мог применяться и в более широком смысле для обозначения человека, живущего собственным трудом (земледельца или ремесленника): Cammelli G. Démétrius Cydonès Correspondance. Paris, 1930, ep. 7.4 (ep. 328 по изданию: Loenertz R.-J. Démétrius Cydonès. Correspondance. Vatic., 1956—1960, v. 1—2, далее — Cydon.).

¹¹⁹ Hyrt., ep. 77.24.

¹²⁰ Cammelli G. Démétrius Cydonès Correspondance, ep. 49, 34. О противопоставлении ergates и technites см.: Сметанин В. А. Наемные работники..., с. 59.

¹²¹ Treu M. Der Philosoph Joseph.—BZ, 1899, Bd. 8, S. 12. 18.

¹²² Boissonade J. Fr. Anecdota Nova. Parisiis, 1844, p. 93. 15 (ep. 77).

¹²³ Demetracopoulos A. K. Historia tou schismatos tes latinikes ecclesias apo tes orthodoxou Hellenikes. En Leipsia, 1867, s. 88—89; Boissonade J. Fr. Anecdota Nova, p. 116. 19 (ep. 87).

¹²⁴ Boissonade J. Fr. Anecdota Nova, p. 27.16, 28; 28.16.

¹²⁵ Festa N. Theodori Ducae Lascaris epistulae..., p. 264.

¹²⁶ Treu M. Maximi monachi Planudis epistulae. Vratislaviae, 1890, p. 163. 32; Manuelis Chrysolorae epistolae.—Migne PG, 1866, t. 156, col. 49 C (в фигуральном смысле).

¹²⁷ Festa N. Theodori Ducae Lascaris epistulae..., p. 327. Никифору Влеммиду был известен способ подделывать золото.

¹²⁸ Ibid., p. 156.

¹²⁹ Pétridès S. Jean Apokaukos, lettres et autres documents inédits.—ИРАИК, 1909, т. 14, с. 77.3—18.

¹³⁰ Пападопуло-Керамевс А. И. *Noctes Petropolitanae*. Сборник византийских текстов XII—XIII вв. Спб., 1913, с. 185, 19; Demetrasopoulos A. K. *Historia tou schismatos...*, s. 88—89; Hyrt., ep. 35.9.

¹³¹ Sammelli G. *Démétrius Cydonès Correspondance*, ep. 44.10, 28.

¹³² Треу М. *Maximi monachi Planudis epistulae*, p. 162.30 (ep. 116). Нои мугерсои выступали и как *hoi мугрополи* (торговцы благовоениями).

¹³³ Pétridès S. Jean Apokaukos, *lettres...*, с. 88.32.

¹³⁴ Пападопуло-Керамевс А. И. *Noctes Petropolitanae*, с. 213.3.

¹³⁵ Gabras, ep. 290.11—12. Ср.: *ibid.*, ep. 269.9.

¹³⁶ *Ibid.*, ep. 441.6. В роли переписчиков могли выступать *grammaticoi*, *anagnostai*, *taboullarioi*, *nomicoi*, *zographoi*, *iatroi* (Vogel M., Gardthausen V. *Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance*. Leipzig, 1909, S. 9, 14, 27, 29, 127, 144), данные о которых имеются в переписке. Упоминаются *hoi grammaticoi* Каллист (Festa N. *Theodori Ducae Lascaris epistulae...*, p. 190), Вальзамон (*ibid.*, p. 159), Маникаит (*ibid.*, p. 193), братья Файки, личные секретари Феодора II Ласкариса (*ibid.*, p. 166). Существовали школы (*schole*, *scholeion*) грамматиков (*ibid.*, p. 276; *Theodori Scutariotae additamenta ad Georgii Acropolitae historiam*.—*Georgii Acropolitae Opera*, rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903, v. 1, p. 291.7).

¹³⁷ Пападопуло-Керамевс А. И. *Noctes Petropolitanae*, с. 227.24.

¹³⁸ Там же, с. 253.10; Demetrasopoulos A. K. *Historia tou schismatos...*, s. 88—89.

¹³⁹ Pétridès S. Jean Apokaukos, *lettres...*, с. 97.25—26.

¹⁴⁰ Пападопуло-Керамевс А. И. *Noctes Petropolitanae*, с. 253.10.

¹⁴¹ Boissonade J. Fr. *Anecdota Nova*, p. 93.8.

¹⁴² Пападопуло-Керамевс А. И. *Noctes Petropolitanae*, с. 281.16 (ep. 18).

¹⁴³ Hyrt., 1800, t. 6, p. 35.19 (ep. 74).

¹⁴⁴ Boissonade J. Fr. *Anecdota Nova*, p. 162.2.

¹⁴⁵ Manuelis Chrysolorae *epistolae*.—Migne PG, 1866, t. 156, col. 23 sq. (*ti gar ho tou ctistou men cai poliouchou basileos taphos...*). Термин в данном случае употребляется по отношению к императору.

¹⁴⁶ Cydon., v. 1, p. 141.84 (ep. 103). В данном случае термин употребляется для обозначения Урбана V. в переносном значении.

¹⁴⁷ Boissonade J. Fr. *Anecdota Graeca e codicibus regiis*. Parisiis, 1830, v. 2, p. 168—170.

¹⁴⁸ Sammelli G. *Démétrius Cydonès Correspondance*, ep. 7.3 (1386 ?).

¹⁴⁹ Пападопуло-Керамевс А. И. *Noctes Petropolitanae*, с. 277.28 (ep. 15).

¹⁵⁰ Gabras, ep. 157.16 (упоминается ткань из шерсти — *ex eriou hyphasmata*).

¹⁵¹ Sammelli G. *Démétrius Cydonès Correspondance*, ep. 44.9.

¹⁵² *Gramma pros ton autocratora peri ton sitocapelon...* (Banescu N. *Le patriarche Athanase I et Andronic II Paléologue. Etat religieux, politique et sociale de l'empire*.—*Académie Roumaine. Bulletin de la Section Historique*, 1942, v. 23, fasc. 1, p. 52, n. 1); Guillard R. *La correspondance inédite d'Athanase, patriarche de Constantinople*.—*Mélanges Ch. Diehl*. Paris, 1930, v. 1, p. 139.

¹⁵³ Pétridès S. Jean Apokaukos, *lettres...*, с. 91.14—17. О шелковой ткани как подарке см.: Gabras, ep. 147.55.

¹⁵⁴ Michael Acominatou tou Choniatou *ta sozomena*, ecd. para Sp. Lamprou. En Athenais, 1880, t. 2, s. 29.

¹⁵⁵ Gabras, ep. 295.10—11.

¹⁵⁶ Cydon., v. 1, ep. 73.49.

¹⁵⁷ Gabras, ep. 359. 90: коробочка для мази сделана из свинца.

¹⁵⁸ Ведро из меди (аро *chalcou ephentas*) упоминает Михаил Гавра (Gabras, ep. 457.158). Феодор Гиртакин говорит о меднике (*ho chalcomatopoulos*): Hyrt., ep. 74.20.

¹⁵⁹ Boissonade J. Fr. *Anecdota Nova*, p. 81.13; Hyrt., ep. 35.1; 53.16; Festa N. *Theodori Ducae Lascaris epistulae...*, p. 97. В письме № 22 Феодора

Ласкариса к Акрополиту излагаются серьезные претензии больных к характеру лечения.

¹⁶⁰ Hyrtl., ep. 74.20.

¹⁶¹ Boissonade J. Fr. *Anecdota Nova*, p. 273.15—16 (ep. 6).

¹⁶² См. примеч. 157.

¹⁶³ Пападопуло-Керамевс А. И. *Noctes Petropolitanae*, с. 270.12; 282.9

¹⁶⁴ Pétridès S. Jean Apokaukos, *lettres...*, с. 79.37.

¹⁶⁵ Gabras, ep. 359.90 (упоминается мазь. Термин фиксируется по типу ку константинопольского монастыря Лива: Delehaye H. *Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues*.— *Mémoires de l'Académie royale de Belgique, classe des lettres et des sciences morales et politiques*, 2ème série. Bruxelles, 1921, t. 13, p. 134.29. О времени составления типика существует два мнения: ранее 1397 г. (*ibid.*, p. 17) и конец XIII в. (Janin R. *Le monachisme byzantin au moyen âge. Commende et typica* (X^e—XIVe siècle).— *REB*, 1964, v. 22, p. 39—40).

¹⁶⁶ Gabras, ep. 72.124; 87.127: в Филадельфии изготовлялись шпоры лучшего качества.

¹⁶⁷ Четырнадцать этапов турецкого нашествия вычленены и охарактеризованы в ст.: Сметанин В. А. О специфике перманентной войны в Византии в 1282—1453 гг.— *АДСВ*, 1973, вып. 9, с. 89—99; Его же. Турецкое нашествие и военные издержки Византии 1282—1453.— *АДСВ*, 1976, вып. 13, с. 106.

¹⁶⁸ Theoduli monachi seu Thomae Magistri *epistolae*.— Migne PG, 1865, t. 145, col. 431 sq.

¹⁶⁹ Boissonade J. Fr. *Anecdota Graeca e codicibus regiis*. Parisiis, 1830, v. 2, p. 226.

¹⁷⁰ Karlsson G. H., Fatouros G. Aus der Briefsammlung des Anonymus Florentinus (Georgios? Oinaïotes).— *Jahrbuch der Oesterreichischen Byzantinistik*, 1973, Bd. 22, S. 208.

¹⁷¹ *Ibid.*, ep. 158.8—12.

¹⁷² D(yobouniotes) C. I. Gregoriou tou Palama *epistole pros Thessalonikeis*.— *Neos Hellenomnemon*, 1922, t. 16, s. 7 hex.: турки перехватывали корабли в Проπονтиде.

¹⁷³ Hyrtl., v. 6, p. 29: были разграблены владения Феодора Гиртакина (умер около 1320 г., см.: Treu M. *Maximi monachi Planudis epistolae*. Vratislaviae, 1890, p. 187).

¹⁷⁴ Gabras, ep. 295. 10—11.

¹⁷⁵ *Ibid.*, ep. 295.19.

¹⁷⁶ Karlsson G. H., Fatouros G. Aus der Briefsammlung..., ep. 158.4—5.

¹⁷⁷ *Ibid.*, ep. 158.2—3.

¹⁷⁸ Nicolai Cabasilae *epistolae* V.— *Cydon.*, v. 1, ep. 169.4—6.

¹⁷⁹ *Cydon.*, v. 2, ep. 190.16—18; 418.9—11.

¹⁸⁰ Помимо 129 категорий, указанных в статье автора (Сметанин В. А. О некоторых аспектах социально-экономической структуры поздневизантийского города. *АДСВ*, 1972, вып. 8, с. 108 и сл.), следует назвать еще три: шпорников (Gabras, ep. 72.124; 87.127); строителей грузовых кораблей—*hoi tas holcadas (ergazomenoi)* (Sevcenko I. Alexios Makrembolites and his "Dialogue between the Rich and the Poor".— *ЗРВИ*, 1960, т. 6, с. 210. 9) и чеканщиков (Карпов С. П. Особенности развития поздневизантийского города—эмпория. Трапезунд в XIII—XV вв.— *Византийские очерки*. М., 1977, с. 91, примеч. 55).

¹⁸¹ Ср.: Kirsten E. *Die byzantinische Stadt*.— *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten—Kongress*. München, 1958, Bd. 5, Nr. 3, S. 35: византийский город развивался в силу «военных и оборонно-политических устремлений».

¹⁸² Schreiner P. *Zur Geschichte Philadelphias im XIV. Jahrhundert (1293—1390)*.— *Orientalia Christiana Periodica*, 1968, v. 35, p. 375—388.

¹⁸³ Ср.: Фрейденберг М. М. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972, с. 184 (производственной доминантой далматинского города являлось кожевенное производство); Его же. О специфике городского ремесла в Далматинской Хорватии XIII—XV вв.— *Учен. зап. Псков. пед. ин-та*,

1966, вып. 32, ч. 2, с. 71—72 (из 33 профессий ремесленников только одна относилась к сфере военного производства — оружейники).

¹⁸⁴ Migne PG, 1866, t. 145, col. 506 D — 508 C.

¹⁸⁵ Nicephori Gregorae Byzantina Historia, ed. L. Schopen. Bonnae, 1829—1830, v. 1—2; ed. I. Bekker. Bonnae, 1855, v. 3 (далее — Greg.), hic v. 1, p. 205.16, 18—21.

¹⁸⁶ Се в с е н к о I. Alexios Makrembolites..., p. 201.

¹⁸⁷ Hyrt., ep. 74.20: basilicon siteresion.

¹⁸⁸ Ibid., ep. 74.18—21.

¹⁸⁹ Ibid., ep. 63.16; 74.24; 77.22—24.

¹⁹⁰ С. Лишев доказал, что в болгарских городах XIII—XIV вв. ремесленники не были поставлены в наилучшие условия по сравнению с закрепощенными крестьянами (Лишев С. За стоковото производство във феодална България. София, 1957, с. 124).

¹⁹¹ Greg., v. 1, p. 256.18; v. 2, p. 851.3 sq. (ср.: v. 2, p. 617.15).

¹⁹² Иречек К. История болгар. Одесса, 1878, с. 537.

¹⁹³ Удадьцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 241.

¹⁹⁴ Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum libri X, ed. I. Bekker. Bonnae, 1843, p. 286.

¹⁹⁵ Шитиков М. М. Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадоера. (Деловые круги Константинополя). — ВВ, 1969, т. 30, с. 62.

¹⁹⁶ Сметанин В. А. Наемные работники..., с. 57.

¹⁹⁷ Theodori Scutariotae additamenta..., p. 285.19.

¹⁹⁸ Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata..., 1862, v. 2, II, nr. 297.

¹⁹⁹ Gabras, ep. 290.11.

²⁰⁰ Delehayе H. Deux typica..., p. 134.25.

²⁰¹ Ibid., p. 134.27.

²⁰² Ibidem.

²⁰³ Ibid., p. 134.28.

²⁰⁴ Ibidem.

²⁰⁵ Ibid., p. 134.29.

²⁰⁶ Ibidem.

²⁰⁷ Ibid., p. 134.30.

²⁰⁸ Dölger F. Aus den Schatzkammern..., Nr. 102.43 (акт от 14 апреля 1421 г.).

²⁰⁹ Theodori Scutariotae additamenta..., p. 285.21.

²¹⁰ Delehayе H. Deux typica..., p. 134.5.

²¹¹ Dölger F. Aus den Schatzkammern..., Nr. 102.11 u passim.

²¹² Theodori Scutariotae additamenta..., p. 285.19—20.

²¹³ Dölger F. Aus den Schatzkammern..., Nr. 102.41—42.

²¹⁴ Ibid., Nr. 102.42.

²¹⁵ Delehayе H. Deux typica..., p. 134.22—31. Ср.: Ibid., p. 134.17—21.

²¹⁶ Ibid., p. 134.17.

²¹⁷ Constantini Harmenopuli Manuale legum sive Hexabiblos, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851, v. Nomoi georgicoi, tit. 1, § 11.

²¹⁸ Delehayе H. Deux typica..., p. 134.25—30.

²¹⁹ Dölger F. Aus den Schatzkammern..., Nr. 102.42.

²²⁰ Hyrt., ep. 74.20.

²²¹ Theodoulou tou Magistrou Logos peri politeias, — Migne PG, 1865, t. 145, col. 506 D — 508 C.

²²² Ibid., col. 514 A — 516 A.

²²³ Cydon., v. 2, ep. 223.116—118.

²²⁴ Из 85 семей сельских ремесленников беспашенных, по данным актов, насчитывалось 79 (Сметанин В. А. Сельские ремесленники поздней Византии как социальная группа. — АДСВ, 1971, вып. 7, с. 160).

²²⁵ Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata..., 1862, v. 2, II, nr. 297.

²²⁶ Dölger F. Aus den Schatzkammern..., Nr. 102.42.

²²⁷ Ibid., Nr. 102.41—42.

²²⁸ Hunger H., Vogel K. Ein byzantinisches Rechenbuch des 15. Jahrhunderts. Graz — Wien — Köln, 1963, Nr. 74.2.

²²⁹ О размерах цистерн см.: Vogel K. Ein byzantinisches Rechenbuch des frühen XIV. Jahrhunderts. Wien, 1968, Nr. 96, 117.

²³⁰ Ibid., Nr. 22.

²³¹ Ibid., Nr. 7.1.

²³² Фрейденберг М. М. На каких кораблях плавали далматинцы? (К истории средневекового судоходства у южных славян). — В сб.: Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1973, вып. 1, с. 101.

²³³ Главы 50—51 типика монастыря Лива объединены названием «О больнице и о священнике, и об остальных в ней»: Delehaye H. Deux typica..., p. 134.5—31.

²³⁴ Ibid., p. 134.13—14.

²³⁵ Ibid., p. 134.26—27.

²³⁶ Ibid., p. 134.27.

²³⁷ Ibid., p. 134.27—28.

²³⁸ Ibid., p. 134.28.

²³⁹ Ibid., p. 134.28—29.

²⁴⁰ Ibid., p. 134.29.

²⁴¹ Ibidem.

²⁴² Ibid., p. 134.30.

²⁴³ Ibidem.

²⁴⁴ Ibid., p. 134.30—31.

²⁴⁵ Gabras, ep. 290.11 hex.; 441.6 hex.

²⁴⁶ Bollati F. Illustrazione della Spedizione in Oriente di Amedeo VI. Torino, 1900, p. 99, § 386. Cp.: Byzantinobulgarica, 1973, v. 4, p. 243, § 386.

²⁴⁷ Bollati F. Illustrazione..., p. 107, § 422. Cp.: Byzantinobulgarica, 1973, v. 4, p. 247, § 422.

²⁴⁸ Dölger F. Aus den Schatzkammern..., Nr. 102.41, 46 (сто ergatai и четыре technitai).

²⁴⁹ Сметанин В. А. Сельские ремесленники..., с. 168.